

АРТЕМ РАДИН

# ХОЗЯЙКА ДОМА МЁРТВЫХ

НЕКОТОРЫЕ ДОМА  
ПОМНЯТ  
СЛИШКОМ МНОГО

Артём Радин

**Хозяйка дома мёртвых**

«Автор»

2026

**Радин А.**

Хозяйка дома мёртвых / А. Радин — «Автор», 2026

Варя получает в наследство старый дом, который умеет хранить чужие воспоминания. В первую же ночь отключённый телефон звонит, а детский голос предупреждает её не открывать дверь Матвею Северину. Он знает, что происходит с домом. И знает цену памяти лучше всех. Чтобы раскрыть тайну исчезновения матери и понять, что живёт внутри стен, Варе придётся довериться человеку, который с каждым новым воспоминанием теряет часть собственного прошлого. Некоторые дома помнят слишком много. И не всё из того, что они хранят, хочет оставаться мёртвым.

© Радин А., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Сорок дней               | 6  |
| Глава 2. То, что остаётся         | 14 |
| Глава 3. Три дня                  | 24 |
| Глава 4. Дом номер семь           | 33 |
| Глава 5. Женщина по имени Ирина   | 42 |
| Глава 6. Улица без имён           | 50 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 54 |

# **Артём Радин**

## **Хозяйка дома мёртвых**

**Часть первая. Дом**

## Глава 1. Сорок дней

Нотариус прочитал последнюю строчку завещания дважды. После второго раза он положил лист на стол и придвинул к Варваре так осторожно, словно документ мог обидеться на лишнее движение.

Кабинет был маленький, с серыми стенами и натяжным потолком, который провисал над шкафом на два сантиметра. Варя заметила это сразу и теперь старалась не смотреть вверх. Профессиональная привычка. Люди приходили к нотариусам думать о наследстве, смерти и деньгах. Она успевала заодно оценить кривизну плинтуса и прикинуть, сколько уйдёт на замену света.

– Юридического значения у последней фразы нет, – сказал нотариус. – Это просьба.

– Бабушкина просьба обычно и без юридического значения работала неплохо.

Он улыбнулся так, как улыбаются людям после похорон: чуть-чуть и ненадолго.

Варя взяла лист. Печать, дата, подпись. Внизу знакомая рука Веры Сергеевны. Даже последние годы, когда пальцы уже плохо слушались, бабушка писала крупно и резко. Букву «т» перечёркивала длинной линией, будто подозревала каждое слово в попытке сбежать.

«Дом по адресу Чёрная улица, дом 12, со всем находящимся в нём имуществом завещаю внучке Варваре Андреевне Соколовой. Прошу не продавать дом до сорокового дня после моей смерти».

Варя перечитала последнюю фразу.

– А если продам раньше?

– После оформления права собственности вы вправе распоряжаться недвижимостью по своему усмотрению.

– То есть никаких штрафов?

– Нет.

– Отложенного проклятия?

Нотариус снял очки. За линзами у него обнаружили очень уставшие глаза.

– В моей практике проклятия пока не оспаривали сделки.

– Значит, ещё есть куда расти.

Он вернул очки на место и заговорил о сроках, выписках, регистрации и коммунальных долгах. Варя слушала внимательно. Деньги были понятнее смерти. Их можно было записать в таблицу, разложить по датам, поругаться и что-нибудь придумать.

Похороны стоили сто восемьдесят семь тысяч. Ипотека за её квартиру съедала тридцать две в месяц. После развода от совместной жизни осталось три вещи: кофемашина, которую Дима до сих пор считал своей, чувство стыда за два совершенно бессмысленных года и кредит на ремонт кухни. Последний оказался самым постоянным.

Дом на Чёрной улице мог решить почти всё.

Даже в плохом состоянии участок в старом центре стоил прилично. Варя проверила ещё вечером после поминок. Если не торопиться, можно было закрыть ипотеку, рассчитаться с ремонтниками и ещё оставить деньги на студию, которую они с Лизой собирались открыть уже третий год. Если торопиться, хватило бы хотя бы перестать просыпаться третьего числа с мыслью, что банк снова что-нибудь списал.

Сорок дней были раздражающей, но терпимой задержкой.

На улице моросил дождь. Такой мелкий, что люди без зонтов считали себя сухими первые пять минут, а потом обнаруживали мокрые рукава и волосы. Варя положила папку под куртку и дошла до машины. Телефон мигал двумя сообщениями. Лиза прислала фотографию стены в новом кафе и подпись: «Заказчик спрашивает, почему серый выглядит серым».

Дима написал: «Кофемолка у тебя?»

Варя ответила Лизе: «Скажи, что это концепция». Диме не ответила. На Чёрную улицу она поехала не сразу. Сначала заехала на объект, где рабочие второй день спорили с чертежом санузла. Оказалось, они развернули перегородку на девяносто градусов, потому что «так удобнее класть блок». Варя двадцать минут объясняла про дверной проём, потом ещё десять молча смотрела, как бригадир звонит прорабу и говорит: «Ну я ж говорил, она не согласится».

Когда она вышла, дождь закончился. В машине пахло мокрой курткой и картонным стаканом из-под кофе.

Чёрная улица начиналась сразу за старой водонапорной башней. Название не имело отношения ни к преступлениям, ни к мистике. В детстве Варя спрашивала бабушку, почему улица Чёрная, и получала один и тот же ответ: потому что раньше здесь жили углежог. Позже выяснилось, что углежог никогда здесь не жили. Бабушка просто не знала и не считала это достаточной причиной молчать.

Дома стояли почти вплотную к тротуару. Двухэтажные, кирпичные, с узкими дворами и старой лепниной над окнами. Где-то пластиковые рамы уже окончательно победили историю. Где-то история держалась из последних сил и осыпалась кусками на машины.

Двенадцатый дом был серо-зелёным. В детстве Варе казалось, что он огромный. Теперь стало видно, что фасад всего на пять окон, крыша просела возле трубы, а водосток справа заканчивается примерно в метре от земли и льёт прямо на цоколь. Плохо. Она заглушила двигатель, но не вышла.

За воротами росла яблоня, которую Вера Сергеевна каждый год собиралась спилить. Вера Сергеевна умерла, яблоня победила.

На втором этаже за кружевной занавеской было темно.

Последний раз Варя ночевала здесь в семнадцать. Потом университет, съёмная комната, первая работа, Дима, квартира. Бабушка приезжала сама. Сначала часто, потом всё реже. Их последняя встреча случилась в больнице за пять дней до смерти. Вера Сергеевна спросила, есть ли Варя нормально, сказала, что врач идиот, и потребовала забрать из дома шерстяное одеяло, потому что больничное «тонкое, как совесть депутата».

Про дом не сказала ничего.

Варя вышла. Ключ подошёл со второго раза. Замок заедал с детства, только раньше его надо было приподнимать, а теперь, наоборот, тянуть дверь на себя. Она вспомнила это не головой. Рука сама дёрнула ручку, и механизм щёлкнул.

В прихожей было холоднее, чем на улице.

Первое, что Варя увидела, был жёлтый пакет из супермаркета. Он стоял возле тумбы с обувью, аккуратно завязанный. В пакете лежала пустая банка, две газеты и коробка таблеток от давления.

Смерть в жизни оказывалась совсем не похожа на кино. Вместо красивого последнего кадра оставался пакет мусора, который человек собирался вынести после обеда.

Варя сняла мокрые ботинки. Дом пах пылью, яблоками из подвала и лекарствами. Знакомый запах прятался где-то под ними, но поймать его не получалось. Может быть, так и пахло детство, когда оно постарело.

Она прошла на кухню. На столе стояла чашка с засохшим чайным кругом. Варя потрогала край. Холодный, конечно.

В холодильнике нашлись горчица, половина лимона, баночка лекарства, три яйца и кастрюля с чем-то, что она открывать не стала.

Ей предстояло разобрать дом целиком.

Она достала телефон и создала заметку.

«Крыша. Водосток. Окна второй этаж. Проверить проводку. Подвал. Оценщик. Вывоз мебели».

Ниже написала: «Спросить у нотариуса про долги за газ». Потом открыла рабочий чат. Лиза уже прислала ещё три сообщения. Серый заказчика теперь был «слишком больничным».

Варя записала голосовое, объяснила, какой оттенок взять, и только после этого заметила, что в коридоре тикают часы.

Бабушкины настенные часы висели между кухней и лестницей. Большой деревянный ящик с маятником, который всегда отставал минут на семь.

Сейчас стрелки показывали пять двадцать три.

На телефоне было пять шестнадцать. Варя подошла ближе. Часы шли. Она помнила, как снимала маятник перед похоронами. Соседка Тамара Петровна сказала, что в доме умершего часы надо остановить. Варя никогда не знала, верит ли соседка в приметы или просто любит давать указания. Но маятник она сняла. Точно.

Он качался за стеклом. Влево. Вправо. Варя открыла дверцу. Маятник остановился у неё в руке.

Секунд через пять она поняла, что держит дыхание, и разозлилась.

Механизм старый. Возможно, Тамара Петровна потом вернула маятник. Возможно, сама Варя вернула и забыла. Последние две недели состояли из больницы, документов и людей, которые спрашивали, сколько ложек сахара клала покойная в кутью. Мозг имел право выбросить из архива одну операцию с часами.

Она сняла маятник снова и положила его на тумбу. Часы продолжили тикать. Варя замерла с рукой на дверце.

Тик. Тик. Маятник лежал рядом. Тик.

Она наклонилась. Внутри корпуса зубчатые колёса двигались.

– Прекрасно, – сказала Варя.

Её голос прозвучал слишком громко.

Она закрыла дверцу и отошла. Нужно было вызвать часовщика. Или электрика. Или человека, который объяснит, что старые часы способны какое-то время идти без маятника. Наверняка способны. Люди слишком легко переходили от незнания к призракам. Варя предпочитала промежуточную стадию: поиск инструкции.

На втором этаже что-то негромко упало, будто с полки соскользнула книга.

Варя посмотрела на лестницу. Дом был закрыт с похорон. Ключи находились у неё, нотариуса и Тамары Петровны. Соседка должна была только поливать цветы, но те, судя по сухой земле в горшках, пережили предательство ещё неделю назад.

– Тамара Петровна?

Тишина. Она поднялась. Ступени помнили Варин вес и скрипели в тех же местах: третья снизу, площадка, предпоследняя. Это почему-то успокаивало.

На втором этаже было четыре комнаты. Бабушкина спальня, бывшая комната матери, маленький кабинет и Варина детская, которая последние годы служила складом. Дверь детской была открыта. Она точно закрывала её после похорон. Или нет.

Варя вошла. Ничего не упало. Книги стояли на полках, коробки были сложены возле стены. На старом письменном столе лежал плюшевый заяц без одного глаза. Варя увидела его и засмеялась от неожиданности.

– Ты ещё жив?

Заяц не ответил, что было хорошим началом.

Она взяла его. Пыль поднялась с шерсти. Под зайцем лежала фотография.

На снимке Варя была лет восемь. Она стояла возле той самой яблони, щурилась от солнца и держала в руках красный пластиковый телефон. Игрушечный, с большими жёлтыми кнопками. Рядом была мама. Варя села на край кровати. Про Елену Андреевну в семье говорили мало. Отец первые годы отвечал на вопросы подробно, потом устал, а Варя научилась не спрашивать.

Мама исчезла, когда Варя исполнилось восемь.

Ушла из дома и не вернулась.

Полиция искала полгода. Потом меньше. Потом дело стало одной из папок, которые иногда перекладывают на другой стол.

Бабушка до конца жизни говорила «Лена пропала», никогда «умерла».

Отец через семь лет впервые начал встречаться с другой женщиной.

Варя научилась жить в мире, где человек может утром поставить чайник, вечером исчезнуть, а через двадцать лет его расчёска всё ещё лежит в коробке у кого-то на антресоли.

На фотографии мама смотрела не в камеру. Она смотрела на Варю. Улыбалась. Варя перевернула снимок.

На обороте синими чернилами было написано:

«4 апреля. После звонка».

У неё заломило затылок. Четвёртое апреля ничего не значило. Варя не помнила точной даты маминого исчезновения, только весну и грязный снег вдоль дорог.

Телефон на первом этаже зазвонил.

Она дёрнулась так резко, что фотография упала. Звонок повторился. Старый проводной аппарат стоял в прихожей на узкой полке под зеркалом. Бежевый, кнопочный. В детстве Варя знала номер наизусть.

Линию отключили лет десять назад.

Она сама занималась счетами бабушки и помнила это совершенно точно.

Телефон звонил в третий раз.

Варя спустилась до середины лестницы. Четвёртый звонок. Пятый. Можно было не брать.

Нормальный человек не обязан отвечать на отключённый телефон в пустом доме умершей бабушки. Шестой. Варя дошла до полки. Телефон был подключён к розетке старым серым проводом. Второй провод уходил в стену. Седьмой звонок.

Она подняла трубку.

– Алло?

Несколько секунд в трубке шуршало. Не электронный шум. Что-то похожее на движение ладони по ткани.

Потом ребёнок спросил:

– Варя?

Варя ничего не ответила. Голос был девчачий. Лет семь или восемь. Не испуганный. Скорее раздражённый, как будто Варя долго не брала трубку и этим уже успела надоесть.

– Варя, ты слышишь?

Она прижала трубку сильнее.

– Кто это?

На другом конце помолчали.

– Ты.

У Вари похолодели пальцы. Это была глупость. Розыгрыш. Запись. Кто-то знал про дом, про старую линию. Дима однажды умудрился заказать ей на день рождения певца под окна, не спросив, любит ли она уличных певцов. Люди способны на гораздо более сложную ерунду.

– Очень смешно. Кто звонит?

Ребёнок вздохнул. Варя услышала этот вздох и вдруг перестала искать объяснение. Потому что узнала его. В детстве она часто так делала, когда взрослый задавал вопрос, ответ на который казался очевидным. Мама говорила: «Не вздыхай, как пенсионер».

Девочка в трубке сказала:

– Не открывай Матвею.

– Какому Матвею?

– Северину.

Имя было незнакомым.

– Почему?

На линии щёлкнуло. Голос стал тише.

– Потому что он опять всё забудет.

Связь оборвалась. Варя осталась с трубкой возле уха.

В прихожей тикали часы без маятника.

С улицы донёсся шум машины.

Она положила трубку. Первой мыслью было проверить телефон. Варя сняла аппарат с полки, посмотрела сзади. Ничего особенного. Провод. Пыль. Наклейка с серийным номером.

Она выдернула штекер из стены.

Аппарат зазвонил у неё в руках. Варя уронила его. Телефон ударился о пол и продолжал звонить. Один раз.

Второй. Третий. Потом замолчал. В дверь постучали.

Варя не закричала. Позже она будет этим гордиться несколько секунд.

Стук повторился. Три коротких удара.

Она подошла к окну возле двери и отодвинула край занавески. На крыльце стоял мужчина. Лет тридцати с небольшим. Тёмная куртка, волосы мокрые после дождя. В одной руке пластиковый кейс, в другой телефон. Не выглядел ни убийцей, ни призраком. Скорее инженером, которого вызвали в выходной и который уже заранее недоволен заказчиком. Он посмотрел на окно.

Варя отпустила занавеску. Стук.

– Варвара Андреевна? – спросил мужчина снаружи.

Она не ответила.

– Меня зовут Матвей Северин.

Варя закрыла глаза. Некоторое время она просто стояла в прихожей, чувствуя холод от плитки через носки.

Потом взяла телефон и набрала 112.

Матвей за дверью сказал:

– Если вы звоните в полицию, скажите им, что я из городского Бюро технической безопасности. Удостоверение покажу через стекло.

Варя замерла с пальцем над вызовом.

– Откуда вы знаете, что я звоню?

– Вы отошли от окна, и у вас в руке телефон.

Нормально. Это было нормально. Она снова выглянула. Он достал удостоверение и прижал к стеклу двери. Городское Бюро технической безопасности. Фамилия Северин. Имя Матвей Андреевич. Фотография отвратительная, как у всех документов.

– Что вам нужно?

Матвей сказал, что пришёл осмотреть дом: сработал старый датчик. Варя проследила за его взглядом и только тогда заметила под карнизом маленький корпус, который всю жизнь принимала за остаток сигнализации. По словам Матвея, датчик вообще не должен был реагировать.

Она предложила прийти завтра. Он попросил впустить сегодня и после короткой паузы уточнил дату смерти Веры Сергеевны: двадцать четыре дня назад. У Вари сжался желудок.

– Откуда вы знаете мою бабушку?

Матвей посмотрел на дверь, а не на неё.

– Откройте, пожалуйста. Я объясню внутри.

Детский голос произнёс совсем недавно: «Не открывай Матвею».

Варя проверила цепочку на двери. Старая, толстая. Открыла замок, оставив цепь. Щель получилась сантиметров десять. Матвей увидел цепочку и одобрительно кивнул.

– Так тоже можно.

– Говорите.

Матвей не начал с объяснений. Сначала спросил про проводной телефон. Варя сразу ощутила, как злость вытесняет страх; это было даже удобно. Линию отключили десять лет назад, и он, судя по всему, знал об этом не хуже неё.

Если аппарат всё-таки звонил, Матвею требовалось его увидеть. На вопрос зачем он на секунду замялся, будто выбирал между честным и правдоподобным ответом.

– Потому что он не телефон.

Варя скрестила руки.

– А что?

– Сейчас это будет звучать плохо.

– У вас уже неплохой разгон.

Матвей посмотрел ей прямо в глаза.

– Это часть системы, которая должна была оставаться выключенной после смерти вашей бабушки.

Варя вспомнила часы.

– Какой системы?

– Памяти дома.

Она молчала. Матвей, кажется, ожидал именно такой реакции.

– Я предупреждал, что прозвучит плохо.

– Ещё хуже прозвучит, когда я всё-таки вызову полицию.

– Вы можете. Они проверят удостоверение. Потом позвонят в Бюро. Потом Бюро позвонит мне, и мы потеряем минут сорок.

– На что?

Матвей посмотрел ей через плечо.

В прихожей снова затикали часы.

Он побледнел. До этого Варя не была уверена, что человек на крыльце действительно боится чего-то в доме. Теперь стала.

– Вы снимали маятник? – спросил он.

Она не ответила. Матвей поставил кейс на крыльцо.

– Варвара Андреевна, пожалуйста. Не трогайте сейчас ничего, что принадлежало Вере Сергеевне. Особенно фотографии, зеркала и старую проводку.

Фотография лежала наверху на полу.

Варя медленно повернула голову к лестнице.

Матвей это заметил и спросил, трогала ли Варя что-нибудь после звонка. Она призналась, что брала ту самую фотографию, где была с матерью. Он сразу уточнил, где снимок и что именно написано на обороте.

– Что было написано сзади?

Варя резко посмотрела на него.

– Откуда вы знаете, что там что-то написано?

Матвей закрыл глаза на секунду. Это было очень человеческое выражение: не страх, не мистика, а раздражение человека, который только что получил подтверждение худшего варианта.

– Потому что Вера Сергеевна оставляла подписи там, где не доверяла собственной памяти.

– Вы хорошо её знали?

– Нет.

Он сказал это слишком быстро.

Варя сняла цепочку. Она ему не поверила, но ложь наконец была чем-то понятным.

Она открыла дверь и отступила.

– Заходите. Но если окажется, что вы продаёте сигнализацию, я вас убью.

Матвей поднял кейс.

– Справедливо.

Он переступил порог и сразу остановился.

Ничего эффектного не произошло. Свет не мигнул, дверь не захлопнулась. Матвей просто замер на коврике и посмотрел на стену, на часы, на лестницу, на бежевый телефон на полу. Его лицо изменилось. Варя увидела это и впервые за вечер по-настоящему испугалась.

– Что?

Матвей не ответил. Он смотрел на телефон.

– Северин?

Тот перевёл взгляд на неё.

– Простите.

– За что?

Он нахмурился.

– Я...

Матвей посмотрел на открытую дверь за своей спиной, потом снова на Варю.

– Вы кто?

Она решила, что ослышалась.

– Что?

– Как вас зовут?

В его голосе не было шуток.

Варя почувствовала, как внутри медленно освобождается место для новой, куда менее удобной версии происходящего.

– Варвара.

Матвей повторил имя тихо, будто проверял его на вкус.

– Варвара Соколова?

– Вы пришли ко мне по имени.

– Да.

Он провёл ладонью по лицу.

– Да, конечно.

Из кейса раздался короткий электронный писк.

Матвей поставил его на пол, открыл. Внутри лежал планшет, несколько катушек провода и устройство размером с толстую книгу. На экране бежали зелёные линии.

– Что с вами случилось?

– Ничего хорошего.

– Вы забыли, кто я?

– На несколько секунд.

– Это у вас часто?

Он поднял глаза.

– Нет.

На втором этаже скрипнула половица.

Матвей уже не смотрел вверх. Он смотрел на прибор.

Зелёная линия поднялась почти вертикально.

– Вера, – сказал он очень тихо.

Варя услышала.

– Что Вера?

– Она держала это двадцать лет.

– Что именно?

Телефон на полу зазвонил. Матвей вздрогнул. Варя никогда не видела, чтобы взрослый мужчина так быстро потерял цвет лица.

Он схватил её за запястье.

– Не берите.

Варя посмотрела на его руку. Матвей отпустил сразу.

– Извините.

Телефон продолжал звонить.

– Мне уже звонили, – сказала Варя.

– Кто?

Она посмотрела на него.

– Я.

Матвей перестал дышать на секунду. Звонок оборвался. На экране прибора зелёная линия упала. В доме стало тихо.

Настенные часы тоже замолчали. Матвей закрыл кейс и сказал, что сегодня ей нельзя оставаться в доме. Варя напомнила, что дом вообще-то её, но именно это, по его словам, и было проблемой.

Он спросил, говорила ли бабушка про сороковой день. Не говорила. Тогда Матвей объяснил: у Вари осталось шестнадцать дней до момента, когда дом окончательно определит нового живого владельца. Формулировка прозвучала нелепо, и Варя сразу возразила, что дома ничего не решают.

– Обычно нет.

– А этот?

Матвей посмотрел на бежевый телефон.

– Этот уже начал.

## Глава 2. То, что остаётся

Матвей позвонил кому-то по имени Илья и попросил приехать «с полевым комплектом». Никаких подробностей. Потом достал из кейса четыре круглых датчика и расставил их в прихожей, на кухне и у лестницы.

Варя наблюдала с расстояния двух метров.

– Вы сейчас будете делать вид, что всё это нормально?

– Нет.

– Уже лучше.

– Нормально было бы, если бы датчики молчали.

Один из них тихо пищал каждые семь секунд.

Матвей не снимал куртку. В доме было холодно, но Варе казалось, причина не в этом. Он держался так, будто собирался уйти в любую секунду и хотел, чтобы одежда не стала препятствием.

Варя потребовала объяснить всё простыми словами. Что вообще означает «память дома»?

Матвей попытался. Большинство домов ничего не помнят; люди помнят дома через мебель, запахи и привычные звуки. Здесь происходило нечто похожее, только след оставался не в человеческой голове, а в самом месте. Иногда настолько плотный, что его можно зарегистрировать приборами.

Варя назвала это привидениями. Матвей сразу отверг слово: привидение предполагает продолжающее существовать сознание умершего. Бюро такого не доказало.

– А что доказали?

Матвей на мгновение задумался. Бюро доказало только одно по-настоящему неприятное свойство таких следов: иногда запись отвечает. Варя сразу вспомнила детский голос из телефона. Обычная запись не должна знать имя человека за дверью; Матвей с этим не спорил.

Он убрал аппарат в защитный пакет. Бабушка, объяснил он, не выполняла никаких ритуалов. Она просто жила здесь. Для некоторых активных мест постоянного человека достаточно, чтобы удерживать структуру в порядке. Теперь Вера умерла, и дом постепенно теряет эту опору.

Продать его немедленно тоже не решение. Новый хозяин не успеет сформировать устойчивую связь, а пустое место займёт самый сильный из старых следов.

– Потом первое место может занять другой устойчивый след.

– Какой?

Он посмотрел на телефон в пакете.

– Этого мы пока не знаем.

Варя прислонилась к стене. Краска под ладонью была прохладной и немного липкой. Бабушка собиралась перекрашивать прихожую лет пятнадцать. По словам Веры Сергеевны, цвет был «как в дешёвой поликлинике». Умерла она, так и не выбрав новый.

– Вы знали об этом доме до её смерти.

– Да.

– Бюро знало.

– Да.

– И никто не решил сказать мне хотя бы после похорон?

Матвей ответил не сразу.

– Вера Сергеевна запрещала контактировать с вами.

– Бюро подчиняется моей бабушке?

– В этом вопросе многие предпочитали не спорить.

Это прозвучало так знакомо, что Варя почти улыбнулась.

– Верю.

Во дворе хлопнула калитка. Матвей сразу повернулся к двери.

Через минуту вошёл мужчина лет сорока в ярко-синей пуховой жилетке поверх свитера.

Он нёс две сумки и бумажный пакет, из которого пахло выпечкой.

– Я принёс оборудование и еду, – объявил он. – Приоритеты расставил сам.

Матвей взял у него тяжёлую сумку.

– Илья Лебедев. Варвара Соколова.

– Мы знакомы заочно, – сказал Илья. – Соболезную насчёт Веры Сергеевны.

Он говорил без траурного выражения лица. Просто сказал и посмотрел Варе в глаза. Ей неожиданно стало легче.

– Вы тоже знали бабушку?

– Несколько раз получал от неё по шее.

– За что?

– В основном за дело.

Матвей открыл сумку. Илья поставил бумажный пакет на кухонный стол.

– Там пирожки. С капустой и мясом. Какие где, не знаю. Это элемент риска.

– Ты приехал работать или кормить людей?

– Да.

Варя впервые увидела, как у Матвея почти появилась улыбка. Не загадочная и не «опасная». Обычная реакция человека, который слышал этот тип ответа много раз.

Они работали около часа. Илья проверял розетки, стены и старый телефонный ввод. Матвей отмечал показания датчиков на планшете. Варя ходила за ними и задавала вопросы, на которые они отвечали неохотно, но отвечали.

Выяснилось, что городское Бюро технической безопасности действительно существовало. Формально оно занималось аварийными зданиями, опасными коммуникациями и «аномальными воздействиями среды», что могло означать почти всё. Внутри Бюро была группа, которую Илья называл Хранителями, а Матвей каждый раз морщился от этого слова.

– Звучит как люди в плащах, – объяснил он.

– А вы кто?

– Инженер по средовым аномалиям.

– Звучит как человек, который боится слова «Хранитель».

– Именно.

Варя узнала, что дом числился у них с 1998 года. Подробности Матвей отказался обсуждать до проверки документов. Вера Сергеевна подписывала какие-то соглашения. На чердаке должна была быть старая линия наблюдения. В подвале стоял контур, который сейчас не отвечал.

– Как я могла жить здесь и ничего не знать?

Илья проверял стену ручным прибором, похожим на детектор проводки.

– Люди обычно не знают, где в их доме идут трубы. А трубы хотя бы шумят честно.

– Не сравнивай, – сказал Матвей.

– Я утешаю.

– Плохо.

– Работаю с тем, что есть.

В кухне датчики молчали. В гостиной тоже. Писк начинался у лестницы и становился чаще на втором этаже.

Матвей остановился перед комнатой Вари.

– Вы нашли фотографию здесь?

– На столе.

Она вошла первой. Фотография лежала на полу лицом вниз. Варя потянулась.

– Не руками.

– Я уже держала её.

– Тем более.

Матвей надел тонкие перчатки и поднял снимок за края. Прочитал надпись.

– Четвёртое апреля.

– Вам дата что-то говорит?

Он взглянул на Илью. Тот перестал возиться с прибором.

– Матвей?

– Нет.

Варя поймала паузу.

– Вы оба сейчас врёте не очень убедительно.

Илья вздохнул.

– Я не вру. Я молчу профессионально.

Матвей поднёс датчик к фотографии. Экран вспыхнул красным.

– Уберите её, – сказал Илья.

– Куда?

– В экранный пакет.

Матвей не двигался.

– Северин?

– Подожди.

Он смотрел на снимок. Варя видела только его профиль.

– Что?

Матвей перевернул фотографию лицом вверх. На снимке мама всё так же стояла рядом с восьмилетней Варей. Только красного игрушечного телефона у девочки больше не было. Руки были пустыми. Варя подошла ближе.

– Нет.

Она прекрасно помнила, что видела десять минут назад.

– Там был телефон.

– Был, – подтвердил Матвей.

Илья выругался негромко.

– Изменяемая фиксация.

– По-человечески, – потребовала Варя.

– Запись не просто показывает то, что было, – сказал Матвей. – Она выбирает, что показывать сейчас.

– Фотография выбирает?

– Не фотография.

Он поднял глаза на комнату. Дом. Слово никто не произнёс, но Варя его услышала. Внизу хлопнула дверь холодильника.

Трое одновременно замерли.

Илья спросил:

– Кто-нибудь оставлял кухню открытой?

– Холодильник закрывала я.

Матвей положил фотографию в пакет.

– Оставайтесь здесь.

– Даже не начинайте.

– Варвара.

– Если в моей кухне кто-то лазит по холодильнику, я хотя бы хочу знать кто.

Она пошла первой. На лестнице пахло жареным луком.

Варя остановилась. Запах был настолько обычным, что первые секунды она не поняла, почему у неё задрожали колени.

Так пахло утром по субботам, когда бабушка жарила картошку. Вера Сергеевна считала кашу наказанием, а яичницу недостаточно серьёзной едой. В восемь утра кухня заполнялась маслом, луком и запахом хлеба, который бабушка грела прямо на сухой сковороде.

Сейчас оттуда доносился стук ножа по доске.

Матвей обогнал Варю на площадке.

– Не входите первой.

На кухне горел свет. Лампочка была та же энергосберегающая спираль, которую Варя вкрутила после похорон. Но свет казался желтее. За столом сидела девочка. Варя увидела себя не сразу. Сначала заметила короткую стрижку, розовую футболку и босые пятки под стулом. Потом девочка повернула голову.

Восемь лет. Молочный зуб справа уже выпал. На подбородке маленькая царапина. Варя помнила её: упала с велосипеда возле школы.

У плиты стояла Вера Сергеевна, лет пятидесяти пяти, с тёмными волосами и сединой у висков. В руке она держала лопатку.

– Лена опять не ест, – сказала бабушка.

Девочка пожала плечами.

– Она плакала ночью.

– Не твоё дело.

– Она громко.

Вера Сергеевна резко повернулась.

– Варя.

Девочка уткнулась в кружку. Варя стояла в дверях собственной кухни и знала эту сцену. Не целиком. Кусками. Бабушкина футболка с петухом. Скол на белой тарелке. Звук радио из комнаты. Но она не помнила, чтобы мама плакала.

Матвей тихо сказал:

– Не разговаривайте с ними.

Вера Сергеевна из прошлого повернула голову. Прямо к нему.

– Поздно пришёл, Северин.

Матвей отступил на шаг. Илья за спиной произнёс короткое матерное слово.

Запись не могла знать Матвея.

Варя это поняла даже без объяснений.

Молодая Вера Сергеевна выключила плиту. Воспоминание продолжалось, но теперь бабушка не смотрела на девочку. Она смотрела на людей у двери.

– Я сорок лет просила вас не лезть без приглашения.

Матвей ничего не ответил.

– Это бабушка? – прошептала Варя.

– Нет.

– Она видит нас.

– Это не она.

– Тогда откуда знает вас?

Вера Сергеевна усмехнулась.

– Потому что мальчик вырос, а ходить тихо так и не научился.

Матвей побледнел.

– Закрываем.

Он достал из сумки маленький металлический цилиндр.

Илья схватил Варю за локоть.

– В коридор.

– Отпустите.

– Сейчас не время спорить с патриархатом.

Он вытолкнул её за дверь и сам остался на пороге.

Матвей поставил цилиндр на пол. Нажал кнопку. Раздался низкий гул, скорее ощущаемый грудной клеткой, чем слышимый. Кухня дрогнула. Не стены. Картинка внутри комнаты.

Молодая Вера Сергеевна снова стояла у плиты. Девочка снова сидела за столом. На секунду всё вернулось в исходное состояние.

Потом бабушка сказала, не поворачиваясь:

– Не стирай мою внучку.

Матвей замер. Гул продолжался.

– Я не...

Воспоминание исчезло. Кухня стала нынешней. Свет белый. Холодильник закрыт. На столе пустая чашка, оставленная Варей днём. Никакого запаха картошки.

Матвей схватился рукой за дверной косяк. Илья сразу оказался рядом.

– Сколько?

– Не знаю.

– Имя?

– Матвей Северин.

– Год рождения?

Матвей назвал.

– Где живёшь?

Адрес назвал тоже.

Илья продолжал быстро:

– Машина?

– «Шкода».

– Цвет?

Матвей молчал.

Илья повторил:

– Цвет машины?

– Я знаю.

– Какой?

– Подожди.

Варя смотрела на него. Он закрыл глаза, сжал переносицу.

– Чёрная.

Илья не расслабился.

– Неправильно. Серая.

Матвей открыл глаза.

– Да.

– Что ещё?

– Не знаю.

– Блокнот.

Матвей достал из внутреннего кармана маленький чёрный блокнот на резинке.

Варя уже видела подобные ежедневники у дизайнеров и строителей. Только этот был затёрт так, будто его носили много лет. Матвей открыл первую страницу.

Там крупно было написано:

«МАТВЕЙ АНДРЕЕВИЧ СЕВЕРИН. 32 ГОДА. ЕСЛИ ЧИТАЕШЬ ЭТО ПОСЛЕ СБРОСА, НЕ ПАНИКУЙ».

Ниже номер Ильи. Матвей пролистал несколько страниц.

– Машина серая, – сказал он.

– Спасибо, блокнот, – отозвался Илья. – Теперь что потерял?

Матвей читал молча. Варя почувствовала, что не должна смотреть, но не отвернулась.

На страницах были короткие факты.

«Не переносу кинзу».

«Первый перелом в 14, левая ключица».

«Отец умер 17 ноября».

«Аня: сестра. Не удалять страницу, даже если кажется бессмысленной».

Матвей остановился.

– Что?

Он провёл пальцем по строке.

– Я не помню машину отца.

Илья выдохнул.

– Какую именно?

– Он возил меня в школу. Старый универсал. Я знаю факт. Не вижу салон.

– Мелкая автобиографическая потеря. Запиши время.

Матвей достал ручку. Варя наконец поняла цену металлического цилиндра.

– Вы сейчас стерли воспоминание кухни.

– Стабилизировал, – сказал Матвей.

– И за это забыли кусок своей жизни.

Он записывал дату.

– Иногда.

– Иногда?

Илья посмотрел на него.

– Всегда.

Матвей бросил на коллегу раздражённый взгляд.

– Ей всё равно придётся узнать.

Варя прислонилась к стене. Слишком многое происходило за один вечер, чтобы эмоции успевали распределяться правильно. Она должна была бояться кухни. Вместо этого смотрела на чужой чёрный блокнот и злилась на человека, который только что потерял кусок детства в её доме.

– Вы идиот?

Матвей поднял голову. Варя спросила прямо, действительно ли забывание собственной жизни входит в работу Матвея. Нет, ответил он: это побочный эффект. Формально разница существовала. По существу звучала почти издевательски.

– Разница колоссальная.

Илья вмешался:

– Поэтому мы не используем сброс без необходимости.

– Он использовал.

– Потому что запись начала контактировать. Если оставить её активной, следующий человек мог потерять не цвет машины.

– Кто?

Илья посмотрел на Варю. Она поняла.

– Я.

Матвей убрал блокнот.

– Вы уже контактировали с домом. Телефон, фотография. Если запись закрепится на вас, последствия непредсказуемы.

– Вы умеете говорить «непредсказуемы» так, будто это технический термин.

– В отчёте так и будет.

Варя прошла на кухню и села.

Пирожки Ильи лежали в бумажном пакете. Она достала один, откусила. С капустой. Мужчины смотрели.

– Что?

– Ничего, – сказал Илья.

– Я не ела с утра.

Он сел напротив и взял пирожок себе. Матвей остался стоять.

– Вам надо уехать отсюда на ночь.

Варя прожевала. Матвей предложил ей переночевать где угодно, только не здесь: в отеле, у знакомых, у отца. Последнее задело Варю сильнее всего. Ей всё меньше нравилось, что у собственного дома имелось дело, а в деле, очевидно, были перечислены родственники.

Матвей на раздражение не отреагировал. Остаться до утра, по его словам, было нельзя. При этом сам он собирался остаться здесь вместе с людьми Бюро.

Варя медленно взяла второй пирожок. Выходило замечательно: она едет в гостиницу, а незнакомые мужчины остаются в её доме.

– Нет.

Илья перестал жевать.

Матвей сказал:

– Это не переговоры.

– Тогда вызывайте полицию и выселяйте собственника из наследственного имущества.

– Право ещё не зарегистрировано.

– Серьёзно? Вот этой картой решили пойти?

Илья тихо произнёс:

– Я бы отступил.

Матвей посмотрел на него.

– Спасибо.

– Всегда пожалуйста.

Варя достала телефон.

– Мне надо работать. В девять созвон с заказчиком. Интернет здесь есть?

– Варвара.

– Если нет, раздам с телефона.

Матвей сел напротив.

– Вы действительно не понимаете опасность или делаете вид?

Она положила пирожок.

– Я понимаю ровно столько, сколько вы мне сказали. У меня дом, который показывает старую кухню. Телефон, который звонит без линии. Фотография, меняющаяся в руках. И государственный сотрудник, который платит своей памятью за выключение всего этого. Вы хотите, чтобы я уехала и дала двум незнакомым людям искать в вещах моей умершей бабушки непонятно что. Нет.

Илья кивнул.

– Логично.

– Ты можешь не помогать?

– Могу. Но тогда будет только хуже.

Матвей помолчал.

– Хорошо. Не остаётесь одна. Не трогайте старые вещи без нас. Если что-то меняется, зовёте сразу. Если слышите знакомый голос из пустой комнаты, не отвечаете.

– Это часто у вас в памятках?

– Теперь будет.

Они вернулись к работе. К десяти вечера Варя узнала ещё несколько неприятных вещей.

Под штукатуркой первого этажа шёл тонкий медный контур, замкнутый вокруг кухни и лестницы. Его поставили в девяносто девятом. В подвале обнаружилась закрытая металлическая панель, ключа от которой не нашлось. На чердаке под утеплителем лежали старые кабели, уходявшие в соседний дом через общую стену.

– Какой соседний?

Матвей посмотрел на схему.

– Десятый.

– Там Тамара Петровна.

– Знаю.

– Не говорите так спокойно.

– Постараюсь нервничать заметнее.

Около одиннадцати Варя всё-таки провела рабочий созвон. Села в гостиной с ноутбуком, надела наушники и сорок минут обсуждала плитку, пока Илья ползал с прибором вдоль плинтуса.

Заказчик хотел натуральный камень по цене керамогранита. Варя объяснила разницу. Он спросил, нельзя ли найти «примерно такое же, но настоящее». Она объяснила ещё раз.

На пятнадцатой минуте Матвей прошёл за ноутбуком, держа в руках старую катушку провода.

Заказчик спросил:

– У вас ремонт?

– Хуже. Наследство.

Матвей остановился и посмотрел на неё.

Варя продолжила обсуждать затирку. Именно эта нормальность спасала. Пока существовали люди, готовые двадцать минут спорить о цвете шва между плитками, мир не мог окончательно превратиться в дом, который разговаривает голосом мёртвой бабушки.

После созвона она пошла за водой и увидела Матвея у книжного шкафа.

Он держал фотографию в рамке. На ней Вера Сергеевна была на даче с каким-то мужчиной.

– Вы обещали не трогать вещи без необходимости.

– Она сама упала.

– У фотографий сегодня активная жизнь.

Матвей поставил рамку обратно.

– Это мой отец.

Варя подошла. Мужчина на снимке был худой, темноволосый. Лет сорока пяти. Стоял рядом с бабушкой и держал в руках эмалированный таз с яблоками.

– Андрей Северин?

– Да.

– Значит, вы всё-таки знали бабушку.

– В детстве. Потом почти не видел.

– Почему соврали?

Матвей смотрел на фотографию.

– Потому что не был уверен, что помню правильно.

Ответ лишил Варю готовой колкости.

– Ваш отец работал здесь?

– Иногда.

– Хранителем?

– Да.

– Он тоже забывал?

Матвей кивнул.

- В конце жизни много.
- Он умер из-за этого?
- Нет. Инфаркт.

Пауза получилась обычной. Не драматической. Варя понимала такие паузы: человек ответил правду, но разговор дальше не приглашал.

Она уже собиралась уйти, когда на фотографии что-то изменилось. Бабушка повернула голову. Не резко. Медленно, едва заметно. На неподвижном снимке лицо оказалось чуть больше обращено к объективу.

Матвей выхватил рамку из её поля зрения и положил изображением вниз.

– Илья.

Тот пришёл из кухни.

– Что?

– Вторичная реакция.

– На кого?

Она устало сказала:

– Конечно на меня.

Илья проверил рамку прибором.

– Слабая. Не сбрасываем.

Матвей кивнул.

– В экран.

Он убрал фотографию в пакет. Варя наблюдала.

– Что будет, если собрать все фотографии в доме и сжечь?

– Пожар, – ответил Илья.

– Полезно.

– Я специалист.

Матвей уже шёл к лестнице.

– Куда?

– В комнату Веры Сергеевны.

– Почему?

– Потому что обе активные фотографии связаны с ней. Если она оставляла инструкции, они будут там.

Бабушкина спальня почти не изменилась с Вариного детства. Кровать, шкаф, туалетный столик, тяжёлые шторы. На комоде флаконы духов, расчёска, крем для рук. Вера Сергеевна хранила косметику так, будто на следующий день собиралась проснуться и продолжить. Варя открыла ящик стола.

- Без рук, – напомнил Матвей.
- Это ящик с носками.
- Носки тоже могут быть якорем.
- Удивительная профессия.

Илья прыснул. В нижнем ящике под бельём нашлась металлическая коробка из-под печенья. Внутри лежали документы, старые квитанции, несколько ключей и школьная тетрадь в клетку. На обложке крупно: «ДОМ». Варя почувствовала облегчение. Обычная тетрадь. Бумага. Почерк. Ничего не звонило и не двигалось. Матвей проверил прибором.

– Чисто.

Она открыла первую страницу. «Если это читает Варя, значит, я всё-таки не успела объяснить. Не злись сразу. Сначала прочитай до конца». Варя коротко рассмеялась.

– Очень в её духе.

На следующей странице была дата восемь лет назад.

«Контур держится. Северину не верю, но мальчик вырос приличный. Это уже достижение».

Матвей сказал:

– Приятно.

Варя листнула. Записи были редкими. Иногда между ними проходили месяцы.

«Лена тихая».

«Сегодня на линии снова девочка. Не отвечала».

«Матвей приходил. Потерял день рождения матери. Больше без крайней необходимости не звать».

Варя подняла глаза.

– Вы приходили сюда?

Матвей взял блокнот, нашёл дату.

– Шесть лет назад.

Он открыл свой чёрный ежедневник, пролистал.

– Запись есть. «Дом 12. Стабилизация. Потеря: мамин сорок шестой день рождения».

– Вы не помните его совсем?

– Знаю, что был. Не помню помещение, людей, подарок. Ничего.

Варя вернула взгляд к бабушкиной тетради.

Следующая запись была сделана три месяца назад.

«Сорок дней после меня. Не меньше. Дом должен принять Варю, иначе выберет того, кто ждёт дольше всех».

В комнате стало тихо. Илья перестал жевать пирожок, который зачем-то принёс наверх. Варя прочитала ещё раз.

– Кто ждёт?

Матвей ничего не сказал. Она перевернула страницу. Там было одно имя.

«Павел Руденко».

Ниже бабушка дописала:

«Если телефон заговорит Варином голосом, это не Варя. Даже если знает то, чего никто больше знать не может».

Варя почувствовала, как кожа на руках покрылась мурашками.

– Кто такой Павел?

Илья медленно положил пирожок обратно в пакет. Матвей взял тетрадь.

– Человек, которого нет двадцать лет.

– Умер?

– Да.

– Тогда почему бабушка пишет, что он ждёт?

Матвей закрыл тетрадь.

– Потому что, похоже, я неправильно понял, что именно здесь осталось.

Снизу зазвонил телефон. Никто не двинулся. Звонок повторился.

– Если это не я, то кто?

Он ответил совсем тихо:

– Вот это нам и надо выяснить до сорокового дня.

## Глава 3. Три дня

Телефон перестал звонить через одиннадцать гудков. Никто не спустился. Матвей закрыл бабушкину тетрадь и положил её на кровать между собой и Варей, словно это был ещё один прибор, показания которого требовалось осмыслить.

Илья первым нарушил молчание. Он посмотрел на часы, потом на Варю и спросил, есть ли в доме чай. Вопрос был настолько неуместным, что Варя ответила честно: чай есть, но он бабушкин и, судя по банке, пережил как минимум двух президентов.

– Отлично. Значит, крепкий.

Илья ушёл вниз. Матвей остался возле окна. За стеклом тёмный двор казался обычным: мокрая яблоня, покосившийся сарай, свет фонаря за забором. Варя знала каждый метр и одновременно впервые видела дом как место, где кто-то двадцать лет наблюдал за тем, что она считала семейным бытом. Она попросила начать с Павла Руденко. Матвей рассказал главное: инженер городской лаборатории, работавший с устойчивыми следами памяти. Он считал, что их можно не только фиксировать, но и удерживать внешним носителем, иногда даже целым домом.

Работало это частично, и именно частичный успех сделал всё опаснее. По документам Руденко погиб двадцать лет назад во время аварии на другом объекте. Варя нахмурилась.

– Тогда почему его имя у бабушки?

– Не знаю.

– Это ваше любимое выражение?

– Сегодня становится.

– Привыкайте. Мне оно тоже не нравится.

Илья вернулся с тремя кружками. Бабушкин чай оказался нормальным. Заварку он нашёл новую, пакетированную, и это слегка разрушило образ археологической экспедиции.

Они сидели в спальне до полуночи и читали тетрадь.

Записи Веры Сергеевны были не дневником. Она не описывала чувства и почти никогда не объясняла контекст. Чаще всего это выглядело как журнал хозяйственных работ, составленный человеком, у которого водопровод и невозможное стояли в одном ряду.

«7 июня. Заменили кран на кухне. Контур тихий».

«19 августа. Андрей приезжал. Матвей снова полез в подвал без спроса. Получил по рукам».

Матвей на этой строке хмыкнул.

– Помните?

– Нет. Но звучит правдоподобно.

«4 апреля. Варя ответила. Лена успела закрыть линию».

Варя остановилась.

– Вот.

Дата совпадала с фотографией. Следующая запись была на следующий день.

«5 апреля. Девочка ничего не помнит. И правильно».

Варя прочитала ещё раз. Потом ещё.

– Какая девочка?

Илья не стал делать вид, что не понял.

– Скорее всего, вы.

– Я ничего не помню о четвёртом апреля.

– Это уже видно.

– Я вообще не помню три дня перед исчезновением мамы.

Слова вышли раньше, чем Варя успела решить, хочет ли говорить их вслух. Матвей поднял голову. Она поставила кружку на пол.

– Я помню утро. Кажется, второе или третье. Мы с мамой шли в магазин. Был грязный снег. Она купила мне жвачку, хотя бабушка запрещала. Потом... ничего. Следующее воспоминание уже после. Отец сидит на кухне, Тамара Петровна варит суп, у всех лица такие, будто я могу разбиться от громкого слова.

Илья спросил:

– Вы когда-нибудь говорили об этом с психологом?

– Да. В двадцать два. Он сказал, что детская память после травмы так работает.

– Может.

– А может, нет?

Матвей взял тетрадь.

– Здесь написано «ничего не помнит». Вера Сергеевна могла иметь в виду обычную травматическую амнезию.

– Вы сами себе верите?

Он не ответил. Через две страницы нашлась ещё одна запись.

«Северин сделал чисто. Три дня ушли. Лена против, но выбора нет».

Варя сначала почувствовала только пустоту. Потом дошёл смысл.

– Северин.

Матвей уже читал строку.

– Это отец.

– Ваш отец стёр мне память?

– Похоже.

Она встала. В комнате стало тесно. Хотелось открыть окно, хотя на улице было холодно.

– Похоже?

– Варвара...

– Не называйте меня так сейчас.

Матвей замолчал. Она подошла к окну, распахнула створку. В комнату вошёл мокрый воздух. Три дня. Восемь лет. Мать исчезла. Бабушка знала. Какие-то люди приехали и вырезали три дня так, как стоматолог вырезает больной нерв. Потом все двадцать лет смотрели на Варю, разговаривали с ней, поздравляли с университетом, свадьбой, разводом. Вера Сергеевна ругалась, что она редко звонит. Никто не подумал сообщить, что часть её собственного детства лежит где-то за запертой дверью.

– Это можно вернуть?

Матвей ответил после паузы:

– Иногда.

– Иногда как?

– Если исходный след сохранился.

– Здесь сохранился?

– Возможно.

Она обернулась.

– И вы не советуете.

– Я не знаю, что там.

– Я тоже. Именно в этом проблема.

– Если отец решил удалить три дня у ребёнка, у него была причина.

– Какая удобная семейная традиция. Ваш отец решает, что мне помнить, вы решаете, где мне ночевать.

Илья вмешался не сразу. Он дал Варе выговориться, и она была за это благодарна больше, чем хотела признавать. Андрей Северин, по его словам, часто ошибался, но детские стира-

ния применяли лишь в исключительных случаях. Илья не защищал его; он предлагал сначала понять, чего тот боялся. Сам Илья пришёл в Бюро позже, а Матвеем тогда было двенадцать.

Он сказал это без оправдания. Просто факт.

На фотографии с отцом ему действительно могло быть двенадцать. Варя вдруг представила мальчика, которого взрослые таскали по домам, где люди теряли куски себя. Чёрный блокнот появился гораздо позже, но привычка запоминать, наверное, раньше.

Это не уменьшало злости. Только делало её менее удобной.

– У меня есть отец, – сказала Варя. – Живой. Он должен что-то знать.

Матвей нахмурился и спросил про Андрея Соколова. Имя, конечно, уже было в деле. Он предложил позвонить отцу прямо сейчас и, желательно, при них. Варя отказалась. Если отец действительно знает о Бюро, разговор при сотрудниках станет только осторожнее.

– Тем более нет.

Матвей хотел возразить, но Илья покачал головой.

– Дай ей поговорить самой.

– Спасибо, – сказала Варя.

– Не за что. Просто ты всё равно сделаешь по-своему, а мы сэкономим двадцать минут спора.

Матвей бросил на него мрачный взгляд. Илья допил чай. В час ночи они всё-таки договорились спать.

Илья устроился в гостиной на диване, заявив, что способен заснуть даже на совещании, и это подтверждено экспериментально. Матвей занял кресло в коридоре у лестницы. Варя пошла в бывшую детскую.

Она не собиралась спать. На ноутбуке было двенадцать непрочитанных писем, два согласования и правки по ресторану. Варя открыла чертёж, двадцать минут двигала светильники, потом обнаружила, что трижды поставила один и тот же размер не на ту стену. Закрыла ноутбук. Дом молчал. Она лежала под пледом поверх одежды и смотрела на потолок. В углу темнело пятно старой протечки. Бабушка годами уверяла, что крыша не течёт, «это однажды было». Пятно увеличивалось каждый год.

Телефон Варя положила рядом. В два семнадцать пришло сообщение от Димы.

«Если кофемолка у тебя, я завтра заберу».

Она посмотрела на экран и впервые за весь день рассмеялась.

Мир рушился очень выборочно. Мёртвый инженер мог ждать двадцать лет внутри памяти дома, а бывший муж всё ещё хотел кофемолку за четыре тысячи рублей.

Варя написала: «Забирай. Ключ у консьержа».

Через минуту Дима ответил: «Ты не дома?»

Она не стала объяснять. В два двадцать восемь за стеной кто-то кашлянул. Варя села. Кашель был женский, сухой. Мамин.

Так она решила сразу, хотя это было невозможно. Варя почти не помнила голос матери, но кашель помнила. Елена курила тайком от бабушки на лестнице, потом жевала мятные конфеты. Зимой кашляла именно так: два коротких, пауза, ещё один.

Варя встала. «Если слышите знакомый голос из пустой комнаты, не отвечаете».

Совет Матвея казался разумным, пока пустая комната не заговорила голосом человека, которого ты ищешь двадцать лет. Кашель повторился. Из бывшей комнаты матери. Дверь находилась напротив.

Варя открыла свою, но не вышла.

Коридор был пуст. Внизу горел ночник, поставленный Ильёй возле датчика. Матвей сидел в кресле, голова откинута на стену. Спал или делал вид. Кашель. Варя шагнула в коридор. Матвей открыл глаза.

– Что?

Она приложила палец к губам. Он встал без звука. Из комнаты Елены донёлся шорох.  
– Мама? – чуть не сказала Варя.

Матвей успел коснуться её локтя. Не сжал, просто напомнил, что рядом. Они подошли к двери. Она была закрыта. Матвей вынул прибор. Показания были почти нулевыми.

– Странно.

– Обожаю, когда вы так говорите.

Внутри комнаты женщина тихо запела.

Варя узнала мелодию. Без слов. Колыбельная, которую мама напевала, когда расчёсывала ей волосы после ванны.

Варя не слышала её двадцать лет.

Грудь свело так, что стало трудно вдохнуть.

Она протянула руку к ручке.

Матвей остановил. Варя почти сразу решила, что видит мать. Матвей остановил её: активная запись должна была отражаться на приборе, а датчик молчал. Варя возразила, что он не может знать наверняка. Матвей согласился только с одним: он не знает, что именно перед ними.

– Тогда что там?

Он молчал. Песня продолжалась. Варя всё равно открыла дверь. Комната была пустой.

Тёмная кровать, шкаф, тюль на окне. Никакой женщины.

Песня звучала из маленького кассетного магнитофона на подоконнике.

Варя помнила его. Серый «Panasonic», две кассетные деки, одна давно сломана.

Магнитофон не был включён в розетку. Кнопки не нажаты. Песня закончилась. Кассета щёлкнула.

Мамин голос сказал:

– Варюш, если проснёшься, не буди бабушку. Я скоро вернусь.

Варя перестала чувствовать пол. Матвей поймал её за плечи раньше, чем она упала.

На кассете зашуршало. Затем записался детский голос.

– Мам, а куда ты?

Это была Варя.

Елена ответила:

– В Сосны.

Запись оборвалась. Матвей замер.

– Что?

Он отпустил Варю и подошёл к магнитофону.

– Сосны.

– Вы знаете?

– Это название старого объекта.

– Где?

– В области. Реабилитационный центр.

Варя смотрела на магнитофон.

– Он работает сейчас?

– Как клиника. Формально к Бюро отношения не имеет.

– Формально.

– Да.

– Моя мать сказала, что едет туда в ночь перед исчезновением.

Матвей не спорил. Варя взяла телефон.

– Что вы делаете?

– Ищу сайт.

– Сейчас три утра.

– Интернет работает круглосуточно.

Центр «Сосны» нашёлся сразу. Частная клиника неврологической реабилитации. Сосновый лес, белые корпуса, лечение последствий инсультов и травм, восстановление когнитивных функций.

На сайте была фотография персонала. Варя пролистала. Ни одного знакомого лица. Потом открыла отзывы. Фотографии пациентов. Старые публикации.

Матвей стоял рядом и кому-то писал.

– Кому?

– В дежурную часть. Запрашиваю архив.

– Не надо.

– Почему?

– Потому что если Бюро двадцать лет знало, где мама, я не хочу, чтобы они успели подготовить ответ раньше меня.

Он посмотрел на неё.

– Это серьёзное обвинение.

– У вас есть дело на мой дом, ваш отец стёр мне три дня, моя бабушка писала про объект, а мама исчезла по дороге в клинику, которая «формально» с вами не связана. Я пока очень стараюсь обвинять аккуратно.

Матвей убрал телефон.

– Хорошо.

Это удивило.

– Просто хорошо?

– Позвоним утром сами.

– Мы?

Он чуть пожал плечами.

– Я уже здесь.

Варя посмотрела на него. В другом разговоре эта фраза могла бы прозвучать как что-то большее. Сейчас она означала только то, что означала: человек не собирался уходить из неприятной ситуации, хотя имел возможность. Этого было достаточно. Кассета внутри магнитофона начала перематываться сама.

Матвей выключил её, нажав кнопку механически, и на этот раз ничего не случилось.

Они забрали аппарат в коридор и поставили рядом с датчиками.

Варя вернулась в комнату, но сон так и не пришёл.

В шесть двадцать она сдалась, спустилась на кухню и нашла Илью, который уже жарил яйца.

– Вы всегда просыпаетесь раньше людей, которых охраняете?

– Я не спал.

– Вы храпели.

– Так я маскировал бдительность.

Он поставил перед ней тарелку.

– Матвей рассказал про Сосны.

– Быстро у вас.

– В маленькой команде сплетни являются системой связи.

Варя ела, не чувствуя вкуса.

– Если мама была там...

– Сначала проверим.

– Вы знали про центр двадцать лет назад?

Илья покачал головой.

– Я тогда работал электриком на хлебозаводе и считал самой страшной аномалией начальника смены.

– А потом?

– Потом один подвал решил показать мне пожар 1963 года. С этого всё и началось.

Варя подняла глаза.

– Вы тоже видите воспоминания?

– Нет. В тот раз хватило, что дверь исчезла. Я просидел внутри три часа, пока Хранители не открыли проход. Потом выяснилось, что у меня хорошая устойчивость к следам. Так и завербовали.

– Матвей видит?

– Иногда. Но его специальность другая.

– Стирать.

Илья перевернул яичницу на сковороде.

– Закрывать активные следы. Слово «стирать» он не любит.

– Потому что неприятное или потому что точное?

– Оба варианта.

Матвей появился в дверях. Судя по лицу, слышал последнюю фразу.

– Доброе утро.

– Выспались? – спросила Варя.

– Великолепно. Особенно понравилось кресло с деревянным подлокотником в позвоночник.

Илья поставил ему тарелку.

– Не благодари.

Матвей сел. Варя впервые увидела его утром, не как сотрудника Бюро, а просто человека после плохой ночи. Волосы торчали на затылке. На щеке осталась красная полоса от воротника куртки. Он посмотрел на яйца так, будто оценивал вероятность отравления.

Матвей нашёл номер регистратуры «Сосен» и предложил утром сначала позвонить. Варя хотела ехать без предупреждения: если Елены там никогда не было, поездка просто окажется пустой; если была, звонок даст учреждению время подготовиться и спрятать всё неудобное.

– Если была, звонок даст им время всё спрятать.

Матвей взял вилку.

– Вы правда считаете, что частная клиника двадцать лет держит вашу мать в подвале по приказу секретного Бюро?

– Вчера я считала, что отключённый телефон не звонит.

Он кивнул.

– Справедливо.

В семь двадцать Варя позвонила отцу.

Андрей Соколов жил в другом конце города с женой Ольгой. Они общались несколько раз в месяц. После развода Варя иногда приезжала на ужин, особенно когда Ольга звонила сама и говорила, что приготовила слишком много плова. Отец ответил сонным голосом.

– Варь? Что случилось?

– Мне надо спросить про маму.

Тишина длилась ровно столько, чтобы Варя поняла: он проснулся полностью.

– Сейчас?

– Да.

– Ты где?

– У бабушки.

Он выдохнул.

– Ясно.

Это «ясно» было неправильным.

– Что тебе ясно?

– Вера оставила что-нибудь?

Варя почувствовала, как Илья перестал двигать стул. Матвей смотрел в окно.

– Пап, ты знал?

– О чём?

– Не начинай.

Отец молчал.

– Ты знал про Бюро?

На линии послышался какой-то звук, будто он встал с кровати.

– Кто у тебя там?

– Ответь.

– Северин?

Варя закрыла глаза.

– Какой именно?

Теперь молчание стало другим.

– Матвей?

– Да.

Отец выругался. За двадцать восемь лет Варя слышала от него мат раза четыре.

– Не лезь никуда, – сказал он. – Слышишь? Из дома выйди.

– Почему?

– Я приеду.

– Папа, где мама?

Он не ответил.

– Она была в Соснах?

На линии стало слышно только дыхание.

Отец сначала хотел понять, откуда Варя вообще взяла название «Сосны». Она рассказала про старую запись матери. На слове «мама» он тихо произнёс: «Господи», и это прозвучало не как молитва, а как реакция человека, который двадцать лет боялся именно этого разговора.

Варя спросила, где Елена сейчас. Он ответил, что не знает, и на этот раз она ему поверила. Но по то время он знал больше, чем говорил раньше.

– Тогда её нашли.

Варя перестала чувствовать вкус кофе.

– Что?

– Через два дня после исчезновения.

Матвей резко повернулся. Илья выпрямился.

– Ты сказал мне, что её не нашли.

– Мне сказали, что она не вернётся.

– Кто?

Отец снова замолчал.

– Бюро?

– Тогда оно иначе называлось.

– Где она была?

– В Соснах.

Варя держала телефон двумя руками.

– Ты её видел?

– Один раз.

– И?

– Она меня не узнала.

Слова вошли медленно. Отец говорил дальше, но Варя несколько секунд не слышала смысла.

Отец рассказал то, чего Варя не знала: после исчезновения Елену нашли живой, но с тяжёлым повреждением памяти. Она не узнавала ни дочь, ни мужа, ни Веру. Андрей Северин убедил семью, что женщине нужно специализированное лечение, и сначала клиника действительно давала отчёты. Потом информация стала исчезать, а Северин уверял, что Елена сама попросила прекратить контакты.

– Вы оставили её там.

Отец вздрогнул. Варя не дала ему спрятаться за этим движением. Двадцать лет были слишком большим сроком, чтобы объяснить его одним чужим решением.

– Сколько ты пытался?

Отец не ответил. И Варя поняла ответ. Не двадцать лет. Может быть, год. Может, два. Потом человек устаёт биться в дверь, особенно если за дверью говорят, что это опасно для его ребёнка. Потом появляется работа, школа, необходимость приготовить ужин. Боль не исчезает. Просто учится жить рядом с остальным.

– Я приеду, – повторил отец.

– Не надо.

– Варя.

– Не сейчас.

Она отключилась. Кухня была той же. Белая чашка. Яичница. Крошки от пирожков. Но всё сдвинулось на несколько сантиметров, хотя предметы стояли на месте.

Матвей сказал:

– Я не знал.

– Конечно.

– Правда.

– Не надо сейчас.

Он кивнул. Варя встала, дошла до раковины, включила воду. Постояла, глядя, как струя бьёт по пустой чашке.

Плакать не хотелось. Хотелось что-нибудь сломать, но в бабушкином доме почти всё было старше неё и не заслуживало участвовать.

Илья убрал с плиты сковородку.

– Поедем в Сосны, – сказал он.

Матвей посмотрел на него.

– Без разрешения?

– Разрешение можно получить по дороге.

– Воронина нас убьёт.

– Если повезёт, после обеда.

Варя обернулась.

– Кто Воронина?

– Начальник, – сказал Илья. – Очень умная женщина. Поэтому понимает, что иногда мы уже уехали.

Матвей провёл ладонью по затылку.

– Мне нужны сорок минут собрать оборудование.

– Двадцать, – сказала Варя.

– Тридцать.

– Хорошо.

Она впервые за утро почувствовала, что снова может делать что-то кроме стоять. Телефон на столе завибрировал. Не старый. Её мобильный.

Сообщение от Тамары Петровны:

«Варя, ты дома? В седьмом свет горит. Опять».

Варя перечитала.

– Что?

Она показала экран. Илья нахмурился. Матвей подошёл к окну. Дом номер семь стоял через два участка. Пустой лет пятнадцать. Кирпичный фасад зарос диким виноградом, окна первого этажа были заколочены.

На втором этаже горел свет. Тёплый, домашний. За занавеской кто-то прошёл.

Матвей сказал:

– Сосны подождут двадцать минут.

Варя уже надевала куртку.

## Глава 4. Дом номер семь

Тамара Петровна ждала у калитки в халате под длинным пуховиком. На ногах были резиновые сапоги, на голове платок, завязанный так туго, будто соседка собиралась не обсуждать странный свет в заброшенном доме, а ехать на тракторе в метель.

– Наконец-то, – сказала она. – Я думала, ты опять в город уехала.

Варя закрыла калитку.

– Вы давно видите свет?

– Сегодня с шести. А вообще третий раз за месяц.

Матвей остановился.

– Почему раньше не сообщили?

Тамара Петровна смерила его взглядом.

– Кому?

– В Бюро.

– А я каждый раз, как у соседа лампочка загорится, должна правительство вызывать?

Илья отвернулся, скрывая улыбку. Матвей показал удостоверение. Тамара Петровна изучала его дольше, чем нотариус завещание.

– Северин.

– Да.

Соседка перевела взгляд на Варю.

Тамара Петровна, конечно, тоже что-то знала. Не правила, не названия и не устройство Бюро. Она знала только, что к Вере по ночам приходили странные люди и иногда после этого в соседних домах становилось тихо. На вопрос, почему она никогда ничего не рассказывала, соседка ответила своей железной логикой: Варя ведь не спрашивала.

Дом номер семь стоял через два двора, заброшенный уже много лет. Электричество и воду там отключили, крышу латали в прошлом десятилетии. Тамара Петровна достала ключ.

Варя даже не удивилась, только спросила, почему у неё вообще есть ключ от чужого пустого дома.

– Потому что люди уезжают, а трубы остаются.

Тамара Петровна достала из кармана связку, на которой мог бы работать небольшой тюремный надзиратель. Матвей взял ключ.

– Вы остаётесь здесь.

Соседка фыркнула.

– Ещё чего. Если полезете в подвал, там ступенька гнилая.

– Именно поэтому.

– Я в этом доме двадцать лет через неделю бывала.

– Сегодня он другой.

Тамара Петровна посмотрела на освещённое окно второго этажа.

Впервые за разговор ей стало не до спора.

– Ладно, – сказала она. – Но если что, орать громко. Я слышу нормально.

Илья тихо сообщил Варе:

– Вот наш внешний периметр.

Они вошли втроём. Замок открылся легко. Дверь пришлось толкнуть плечом: снизу разбухло дерево.

Внутри пахло сыростью, старой штукатуркой и мышами. Никакого домашнего тепла. Никакой жизни.

Свет на втором этаже всё равно горел.

Варя видела жёлтую полосу на потолке прихожей.

Матвей раздал датчики. Один оставил Илье, второй держал сам. Варя протянул маленький пластиковый браслет.

Илья закрепил на Варя датчик: пульс, температура и контроль ориентации. Последнее устройство проверяло самым примитивным способом: каждые тридцать секунд задавало вопрос про имя, дату или место. Если она начнёт ошибаться, должна сказать сразу.

Варя заметила, что звучит очень успокаивающе.

– Не для этого сделано.

На экране браслета появилось: «Как вас зовут?» Варя нажала «Варвара». Следующий: «Где вы?» Она выбрала «Чёрная улица». Илья проверил кухню первого этажа. Пусто. На полу валялись пластиковые бутылки и старые рекламные листовки. Кто-то разбил окно со двора, потом его заколотили фанерой.

Матвей направил прибор на лестницу.

– Активность наверху.

– Удивительно, – сказала Варя. – Там же свет.

Он не ответил. Лестница скрипела иначе, чем в двенадцатом доме. Не знакомо. Слишком громко. Варя шла последней и чувствовала себя человеком, который совершает очевидную ошибку, но уже вложил в неё слишком много сил, чтобы остановиться.

На площадке второго этажа было темно.

Свет шёл из дальней комнаты. Дверь приоткрыта. За ней играло радио. Мужской голос обсуждал урожай зерна и подготовку школ к новому учебному году. Потом назвал дату.

Двадцать восьмое августа 2003 года. Илья тихо выдохнул. Матвей поднял ладонь, предупреждая не входить.

Варя сама не заметила, как начала считать собственные вдохи.

Радио сменилось музыкой. Знакомая поп-песня из начала двухтысячных. Её крутили из каждого окна, когда Варя было пять.

– Датчик? – спросила она шёпотом.

Матвей показал экран. Высокая активность.

– Значит, настоящее воспоминание?

– Пока да.

– Пока?

– Если начнёт отвечать, отходим.

Они вошли. Комната была одновременно пустой и жилой.

Варя видела обе версии сразу, и от этого заболели глаза. За гнилым паркетом проступал ковёр с красными ромбами. Сквозь облупленную стену виднелись обои в мелкие цветы. В пустом оконном проёме появлялась штора. Изображение не было прозрачным, как в кино. Скорее мозг получал два несовместимых ответа на один вопрос и отказывался выбрать.

За столом сидела женщина лет тридцати. Резала помидоры.

Мальчик бегал по комнате с игрушечной машиной. Серёжка. Варя узнала его по оттопыренным ушам.

– Стой, – сказала женщина. – Пол только помыла.

Ребёнок не услышал или сделал вид.

Мужчина у окна чинил школьный рюкзак. Обычный вечер. Никто не умер. Никто не кричал. Семья готовилась к сентябрю.

Варя почувствовала неожиданную нежность к этим незнакомым людям прошлого. В страшном доме сохранилось не убийство и не беда, а женщина, которая режет помидоры, и мужчина, пришивающий лямку.

Матвей шепнул:

– Не задерживаемся.

– Почему?

– Сильные бытовые записи опаснее, чем кажутся.

– Потому что хочется остаться?

Он посмотрел на неё.

– Да.

Варя поняла, что он тоже чувствует это. Дом предлагал не ужас. Он предлагал вечер, в котором никто ещё не знает будущего. Ребёнок уронил машинку. Она закатилась Варе под ноги. Игрушка была одновременно ржавым кусочком металла на нынешнем полу и ярко-синим грузовиком в памяти. Мальчик подбежал.

Наклонился. Поднял глаза на Варю.

– Тётя, подай.

Матвей сказал:

– Выходим.

Варя не двигалась. Серёжка ждал.

– Тётя?

Она опустила взгляд. Синий грузовик лежал у ботинка.

– Варя.

Тон Матвея изменился. Она отступила. Мальчик нахмурился.

– Ты же меня знаешь.

Варя остановилась.

– Не отвечайте.

– Ты с бабушкой живёшь, – продолжил ребёнок. – В двенадцатом.

Запись 2003 года не могла знать двадцативосьмилетнюю Варю. Но пятилетнюю знала. Серёжка улыбнулся.

– Пойдём играть.

Матвей взял Варю за плечо и вывел за дверь. Комната погасла. Радио оборвалось на половине слова.

В коридоре снова пахло сыростью. Варя выдернула плечо.

– Я сама могу идти.

– Хорошо.

Он отпустил сразу. Илья проверил датчики.

– Контакт зафиксирован. Низкий уровень.

– Почему он меня узнал?

Матвей посмотрел на дверь.

– Потому что дома связаны.

– Каким образом?

– Пока не знаю.

Варя уже хотела напомнить про любимое выражение, когда браслет завибрировал.

«Как вас зовут?»

Она нажала «Варвара».

«Сколько вам лет?»

Двадцать восемь.

«Где вы?»

Чёрная улица.

«Какой сегодня год?»

Варя выбрала 2026. Браслет мигнул зелёным. На лестнице раздались шаги. Снизу.

Тамара Петровна всё-таки вошла, подумала Варя.

Матвей шикнул:

– Не двигайтесь.

Шаг. Ещё один. Медленный. Кто-то поднимался.

Илья направил фонарь на площадку.

– Тамара Петровна?

Шаги прекратились.

Потом снизу детский голос сказал:

– Мам?

Матвей уже доставал металлический цилиндр.

– Не сбрасывай, – сказал Илья. – Уровень высокий. Потеря будет большой.

– Если оно идёт между комнатами, уже поздно.

– Подождём тридцать секунд.

– Нет.

Голос повторил:

– Мам, ты где?

В нём не было ничего пугающего. Ребёнок искал мать в тёмном доме.

Варя почувствовала, как сердце ускоряется именно из-за обычности.

На площадке показалась маленькая рука. Потом девочка. Не Серёжка. Другая. Лет девяти. Светлые волосы собраны в два хвоста. На ней красная куртка, хотя в доме не было холода прошлого. В руках она держала синюю варежку. Матвей перестал доставать цилиндр.

Варя услышала, как он сказал:

– Нет.

Девочка посмотрела на него.

– Матвей?

Он отступил к стене. Илья выругался.

– Кто это? – спросила Варя.

Матвей не слышал. Девочка поднялась ещё на ступеньку.

– Ты обещал прийти.

Лицо Матвея стало пустым. Не испуганным. Будто из человека разом вынули возможность реагировать.

– Аня, – произнёс он.

Варя вспомнила строку в блокноте. «Аня: сестра. Не удалять страницу, даже если кажется бессмысленной». Девочка улыбнулась.

– Я нашла варежку.

Матвей сделал шаг к ней.

Илья схватил его за куртку.

– Стой.

– Отпусти.

– Это запись.

– Я знаю.

– Тогда стой.

Девочка спустила взгляд на руку Ильи.

– Он тебе врёт.

Илья дёрнул Матвея назад.

– Закрываем сейчас.

Матвей вырвался. Варя увидела, как быстро взрослый разум проигрывает одному знакомому лицу. Правила он понимал прекрасно. Просто ни одно из них не было рассчитано на сестру, которая выглядела ровно так, как в последнюю секунду, когда он её видел.

– Аня умерла? – спросила Варя.

Он не ответил.

Девочка сказала:

– Я не умерла.

Матвей закрыл глаза. Этого хватило. Илья активировал цилиндр сам. Низкий гул ударил по дому.

Девочка закричала. Не страшно. По-настоящему.

– Матвей!

Он рванулся вперёд. Варя вцепилась ему в рукав с другой стороны. Вместе с Ильёй они удержали. Коридор выгнулся. На секунду Варя увидела вокруг другую лестницу: чистую, с голубыми стенами, старым плакатом о пожарной безопасности. Девочка бежала вниз. За ней подросток Матвей. Где-то орала сигнализация. Потом всё исчезло.

Темнота. Запах плесени. Матвей стоял между ними, тяжело дыша.

– Отпустите.

Илья не отпускал ещё секунду.

– Матвей.

– Я сказал, отпусти.

Тот убрал руки. Матвей прислонился к стене.

– Проверка, – сказал Илья.

– Не сейчас.

– Сейчас.

– Я в норме.

– Тогда отвечай. Имя сестры?

Матвей молчал. Варя почувствовала холод раньше, чем он ответил.

– Аня.

– Фамилия?

– Северина.

– Сколько ей было?

Пауза.

– Девять.

– Что она любила?

Матвей открыл рот. Закрыл.

– Что она любила, Матвей?

Он полез за блокнотом. Илья остановил его.

– Сначала сам.

– Не помню.

Илья медленно выдохнул.

– Вот теперь блокнот.

Матвей открыл нужную страницу. Варя отвернулась. Не из вежливости. Ей было стыдно смотреть, как человек читает собственную сестру в виде списка.

– Аквариумы, – сказал он через несколько секунд. – Она любила рыб. Ненавидела манную кашу. Хотела собаку, отец не разрешал.

Илья спросил:

– Помнишь хоть один аквариум?

Матвей долго смотрел в страницу.

– Нет.

– Выходим.

На первом этаже приборы продолжали показывать активность, но никто не спорил.

У двери Варя заметила синее возле стены. Варежка. Настоящая. Маленькая детская варежка лежала на грязном полу.

– Не трогать, – сказал Илья.

Матвей уже увидел. Он присел рядом, но рук не протянул.

– Это её?

Илья сфотографировал.

– Не знаю.

– У неё была такая?

Матвей смотрел в блокнот.

– Не записано.

В этих двух словах было больше боли, чем в крике девочки.

Илья убрал варежку в пакет. На улице Тамара Петровна ждала у ворот и курила. Варя никогда раньше не видела у неё сигарет.

– Ну?

– Там никого, – сказал Илья.

Соседка посмотрела на пакет с варежкой, потом на Матвея.

– Ага.

Она не стала спорить. Матвей ушёл к машине. Остановился возле капота, открыл блокнот и что-то записал. Варя подошла не сразу.

– Я не буду спрашивать, – сказала она.

– Спасибо.

– Но если это связано с моим домом, потом придётся.

– Знаю.

Его руки дрожали совсем немного. Почерк оставался ровным.

«7 сентября. Дом 7. Сброс сделал Илья. Потеря: не могу вспомнить интересы Ани. Факты сохранены в записях. Голос использовал её образ».

Матвей закрыл блокнот.

– Она погибла двадцать лет назад?

Варя всё-таки спросила. Он смотрел на мокрый асфальт.

– Мы считаем, что да.

– Считаете?

– Тела не нашли.

Варя не продолжила.

За спиной Тамара Петровна сказала Илье:

– Свет-то выключили?

Илья посмотрел на второй этаж. Окно было тёмным.

– Да.

– Тогда хорошо.

Она ушла домой, будто на этом вопрос исчерпан.

Матвей сел в машину, но не завёл двигатель.

Илья занял заднее сиденье. Варя села рядом с Матвеем.

– Вы точно можете вести?

– Да.

– Какого цвета машина?

Он посмотрел на неё.

– Серая.

– Уже прогресс.

Матвей неожиданно улыбнулся. Усталой короткой улыбкой, но настоящей.

– Спасибо за заботу.

– Я о своей жизни забочусь. Вы за рулём.

Они выехали в восемь сорок.

До «Сосен» было сто семьдесят километров.

Первый час почти не разговаривали.

За городом потянулся мокрый лес. Дорога блестела после дождя. Варя открыла ноутбук, пыталась ответить на письма, но буквы расплывались. Она закрыла крышку.

Матвей вёл аккуратно, обе руки на руле. Радио играло тихо.

На заправке Илья купил кофе и три бутылки воды. Матвей взял шоколадный батончик, развернул, откусил и тут же поморщился.

– Что?

Он посмотрел на упаковку.

– Я их не люблю.

Илья сказал:

– Любил вчера.

Матвей замер. Потом достал блокнот.

– Здесь написано «шоколад с орехами».

– Этот без орехов.

– Тогда всё нормально.

Варя посмотрела на батончик.

– Вы каждый раз так проверяете себя?

– Не каждый.

– А когда не совпадает?

– Записываю новое.

– Откуда знаете, что новое настоящее, а не последствие потери?

Матвей пожал плечами.

– Никак.

Он выбросил батончик и взял у Ильи половину пирожка.

Варя подумала, что жить с блокнотом должно быть страшнее, чем с домом. Дом хотя бы находился в одном месте. Матвей носил возможность потерять себя в кармане.

Через двадцать километров ей позвонила Лиза.

– Ты где?

Лиза позвонила по работе. Заказчик с серым снова передумал: теперь выбранный оттенок оказался недостаточно тёплым. Варя велела прислать ему три образца, включая тот, который вчера был назван «слишком бежевым». Лиза спросила зачем. Варя знала ответ заранее: именно его он в итоге и выберет.

Разговор о ремонте неожиданно вернул ощущение нормальности. Лиза всё равно услышала по голосу, что что-то не так, и спросила прямо. Варя посмотрела на Матвея, на Илью с пирожком и на лес за окном.

– Нет. Но работа пока получается.

– Тогда нормально.

Связь оборвалась. Матвей некоторое время смотрел на Варю, потом спросил про её работу. Узнав про дизайн интерьеров, он заметил, что это многое объясняет: датчик под карнизом она увидела сразу, часы без работающего маятника тоже.

Варя возразила, что датчик двадцать лет считала обычной сигнализацией, а часы заметил бы любой. Матвей с этим не согласился.

– Это комплимент моей наблюдательности или диагноз?

Он едва заметно улыбнулся.

– Пока наблюдаем.

Она фыркнула. Через час Матвей уснул на пассажирском сиденье, уступив руль Илье.

Сон пришёл мгновенно. Варя заметила это по тому, как расслабилась челюсть. Без напряжения лицо стало моложе.

Илья сказал тихо:

– Он редко спит после сбросов.

- Почему?
- Сны мешают понять, что потерял.
- А сейчас?
- Устал.

Они ехали молча.

Через некоторое время Варя спросила:

- Аня действительно погибла?

Илья смотрел на дорогу.

– В тот день пропали трое. Руденко, Аня и сотрудник лаборатории. Нашли только следы двух взрослых.

- Какие следы?
- Не сейчас.
- Это опять профессиональное молчание?
- Нет. Просто Матвей имеет право рассказать сам.

Варя кивнула. Лес расступился возле указателя «Сосны, 4 км».

Матвей проснулся сразу, будто внутри него стоял будильник.

- Приехали?

- Почти.

Клиника появилась за высоким бетонным забором. Белые корпуса между соснами, стеклянный переход, парковка. Современное место, где люди учились заново ходить, говорить и держать ложку.

Варя ожидала чего-то мрачного. Получила аккуратно подстриженные кусты и баннер про реабилитацию после инсульта. Это пугало сильнее. На проходной их попросили документы.

Матвей показал удостоверение. Охранник позвонил куда-то, выслушал ответ и изменился в лице.

- Вас ждут во втором корпусе.
- Кто? – спросила Варя.
- Охранник посмотрел на список.
- Главный врач. И... пациентка.
- Какая пациентка?

Он произнёс имя:

- Ирина Белова.

Варя ничего не почувствовала. Имя было чужим. Они прошли внутрь. Во втором корпусе их встретила женщина-врач лет пятидесяти. Представилась Мариной Юрьевной. С Матвеем поздоровалась слишком знакомо.

- Я думала, Бюро пришлёт Воронину.
- Она пока не знает, что мы здесь.
- Врач закрыла глаза.
- Господи, Северин.
- Позже.

Марина Юрьевна посмотрела на Варю.

- Вы Варвара?
- Да.

Врач опустила взгляд на её паспорт, хотя паспорт никто не показывал.

- Она попросила вас сегодня утром.

У Вари пересохло во рту.

- Кто?

Марина Юрьевна открыла дверь в небольшой кабинет. У окна сидела женщина. Седые волосы до плеч. Худые руки. Серый кардиган. На коленях книга.

Она подняла голову. Варя увидела собственные глаза на чужом постаревшем лице.  
Женщина смотрела спокойно. Без узнавания.  
Потом сказала:  
– Ты долго ехала.

## Глава 5. Женщина по имени Ирина

Женщина у окна закрыла книгу пальцем, чтобы не потерять страницу.

Этот жест Варя узнала раньше лица.

Мама всегда так делала. Не клала закладку, не загибала угол. Прижимала страницу указательным пальцем и могла держать книгу закрытой минут десять, пока разговаривала. Бабушка ругалась: «Лена, палец устанет раньше, чем ты дочитаешь».

Варя стояла в дверях и смотрела на чужую седую женщину, которая держала книгу маминым пальцем.

– Вы Варвара? – спросила она.

Голос изменился. Конечно, изменился. Двадцать лет не проходят только по лицу. Но в конце слова сохранилась мягкая хрипотца.

– Да.

Женщина кивнула, будто сверилась с чем-то внутри.

– Я знала, что вы приедете.

Варя заставила себя войти. На столике стояла кружка с ромашками, пластиковая бутылка воды и очки. Никаких личных фотографий. На полке пять книг из клинической библиотеки. У окна горшок с почти умершим фикусом.

Марина Юрьевна тихо закрыла дверь за Матвеем и Ильёй, но сама осталась.

– Как вас зовут? – спросила Варя.

Женщина чуть улыбнулась.

– Ирина Белова. По крайней мере здесь.

– А раньше?

Улыбка исчезла.

– Не знаю.

Варя села на стул напротив. Она представляла этот момент сотни раз в разные годы. В детстве мама должна была вернуться молодой, в старом плаще и с объяснением, которое сразу всё исправит. В шестнадцать Варя хотела встретить её случайно в метро и сделать вид, что не узнаёт. После двадцати пяти фантазии стали практичнее: больница, амнезия, другая семья, секта, преступление. Никогда в них не было серого кардигана и книги про садоводство.

Варя спросила Ирину, знает ли та имя Елены Соколовой. Женщина ответила осторожно: ей говорили, что Елена могла быть ею. До апреля 2006 года у неё не осталось воспоминаний, только знания о фактах жизни. Потом специалисты рекомендовали прекратить попытки восстановления.

Варя сразу повернулась к Марине Юрьевне. Кто именно рекомендовал? Тогдашняя комиссия, ответила врач; структура называлась иначе, но по сути это было то же Бюро.

– Мне всё равно, как назывались люди, которые двадцать лет держали мою мать под другим именем.

Ирина слегка вздрогнула на слове «мать».

Варя заметила и тут же пожалела о резкости. Женщина напротив не была виновата в том, что её собственная жизнь превратилась в чужую семейную улику.

Марина Юрьевна сказала:

– Никто не держал её здесь насильно.

– Она знала, кто она?

– Нет.

– Тогда как она могла решать, куда ей уходить?

Врач устало потеряла переносицу.

– Первые пять лет состояние было нестабильным. Любая попытка восстановить автобиографическую память вызывала приступы: потерю речи, дезориентацию, иногда остановку дыхания. Потом стало лучше. Ирина могла уйти. Она дважды пробовала жить самостоятельно, возвращалась.

– Почему?

Ирина ответила сама:

– На улице слишком много мест.

Варя не поняла.

– Что это значит?

– Места давят. Иногда я захожу в магазин и знаю, что никогда там не была, но в голове появляется кухня какой-то женщины. Или еду в автобусе и помню, как мальчик разбил окно в девяносто восьмом. Это не мои вещи. Здесь тихо.

Матвей перестал прислоняться к стене.

– Как давно это происходит?

Ирина посмотрела на него.

– Всегда.

– Усилилось в последний месяц?

– Да.

– Насколько?

Марина Юрьевна вмешалась:

– В последние две недели у нас шесть эпизодов внешней памяти. Раньше было два-три в год.

Илья тихо выругался. Варя слышала только одно.

– Почему вы сказали, что ждали меня?

Ирина взяла кружку. Пальцы у неё дрожали, но совсем немного.

– Три ночи назад мне приснился телефон.

Варя почувствовала холод под рёбрами.

– Какой?

– Старый. Бежевый. Я его не помню. То есть не должна помнить. Он звонил, и девочка говорила: «Скажи Варе, чтобы приехала».

Матвей подошёл ближе.

– Что ещё она сказала?

Ирина нахмурилась.

– Что у нас мало времени.

– Сколько?

– Не знаю.

– Имя называла?

Ирина посмотрела на него внимательнее.

– Твоё.

Матвей замер.

– Моё?

– Да. Сказала, что ты забудешь раньше остальных.

Илья тихо произнёс:

– Отлично.

Ирина продолжала смотреть на Матвея.

– Я тебя знаю?

– Возможно, видели в детстве.

– Нет.

Она закрыла глаза на секунду.

– У тебя была сестра.

Варя увидела, как Матвей напрягся.

– Откуда вы это знаете?

– Девочка сказала.

– Какая девочка?

– Та, что звонила.

– Как она выглядела?

Ирина попыталась вспомнить.

– Не видела. Только голос. Но почему-то знаю, что она маленькая и злится на тебя.

Матвей отвернулся. Варя хотела спросить ещё, но Ирина вдруг посмотрела на неё совсем иначе. Будто до этого изучала лицо, а теперь заметила деталь.

– У тебя шрам на колене?

Варя замерла.

– Есть.

– Правом?

– На левом.

Ирина провела ладонью по своему левому колену.

– Велосипед.

Варя не дышала.

– Что?

– Ты упала возле школы. Колесо застряло в решётке ливнёвки. Плакала не из-за крови. Из-за того, что порвала новые джинсы.

Мир уменьшился до комнаты, серого кардигана и руки на чужом колене.

Варя помнила этот день. Мама прибежала из дома с ватой и зелёной. Сначала ругалась, потом смеялась, когда Варя рыдала над дыркой на штанине.

– Мам.

Слово вышло тихо. Ирина закрыла рот ладонью. На её лице появилось не узнавание. Боль.

– Простите.

Она встала слишком быстро. Кружка упала, разбилась.

Марина Юрьевна шагнула к ней.

– Ира, дыши.

– Я не... это не моё...

Ирина схватилась за край стола.

– Где велосипед?

Варя не поняла.

– Какой?

– Красный. С белой корзинкой. Где он?

– Не знаю. Мы отдали его, наверное.

– Нет. В сарае. Он должен быть в сарае. Вера сказала не выбрасывать, потому что колесо можно выправить.

Варя знала: в бабушкином сарае действительно стоял старый красный велосипед. Она видела его на поминках и подумала, что нужно будет вывезти. Ирина начала задыхаться. Марина Юрьевна нажала кнопку вызова. Матвей не двигался. Он смотрел на прибор в руке.

– Активность растёт.

– У неё приступ, – резко сказала врач.

– Это не только приступ.

Ирина сжала голову руками.

– Кухня синяя.

Варя подошла ближе.

– Какая кухня?

– Моя. Нет... наша. Синие дверцы. Вера ненавидит. Говорит, цвет как у морга.

У Вари задрожали губы. Кухня в их квартире действительно была синей. Отец перекрасил фасады через год после исчезновения Елены.

– Мам, посмотри на меня.

Матвей сказал:

– Не давите.

Варя повернулась к нему с такой злостью, что он замолчал.

– Не сейчас.

Она присела перед Ириной.

– Посмотри на меня.

Женщина подняла глаза.

– Я Варя. Твоя дочь. Мне двадцать восемь. Ты ничего мне не должна прямо сейчас. Не надо вспоминать. Просто дыши.

Ирина смотрела. Постепенно дыхание выровнялось. Медсестра принесла лекарство, но Марина Юрьевна жестом остановила. Через минуту Ирина села.

– Я помню велосипед, – сказала она.

– Хорошо.

– И кухню.

– Хорошо.

– Тебя не помню.

Варя кивнула.

– Это тоже хорошо.

Слова оказались тяжелее, чем она думала, но произнести их было важно.

– Не надо себя заставлять.

Ирина посмотрела на неё с благодарностью и ужасом одновременно.

– Я не знаю, как быть твоей мамой.

– Я тоже не знаю, как быть дочерью женщины, которая младше себя в собственной памяти. Разберёмся потом.

Илья отвернулся к окну. Матвей смотрел в пол.

Варя вдруг поняла, что они дают ей приватность, насколько возможно в комнате, где всё происходящее было ещё и чрезвычайной ситуацией.

Ирина спросила:

– Вера умерла?

– Да.

– Когда?

– Двадцать четыре дня назад.

Женщина закрыла глаза.

– Я знала.

– Откуда?

– В ту ночь здесь выключился свет. На минуту. А потом я вспомнила запах яблок в подвале.

Варя больше не могла удерживать лицо. Слёзы пришли тихо, без рыданий. Она вытерла их ладонью и разозлилась, что у неё нет салфетки.

Ирина достала из кармана бумажный платок.

– Возьми.

Варя рассмеялась через слёзы.

– Вот это я помню. Ты всегда носила платки.

Ирина тоже засмеялась, но тут же замолчала, будто не была уверена, имеет ли право.

Они просидели вместе ещё двадцать минут. Не восстанавливали семью. Не задавали вопросы, на которые невозможно ответить. Варя рассказала, что работает с интерьерами, что была замужем, что бабушка до конца ругалась с врачами. Ирина слушала внимательно, как человек, которому пересказывают биографию незнакомой родственницы.

Когда Варя сказала про развод, Ирина неожиданно спросила, бил ли её Дима. Варя ответила, что нет. Развелись они по куда менее драматичной причине: иногда люди просто плохо любят друг друга. Фраза вышла настолько спокойной, что Варя не стала уточнять, кого именно мать сейчас имела в виду.

Тем временем Матвей вывел Марину Юрьевну в коридор. Когда Варя позже подошла к ним, речь шла уже об отчётах. Бюро считало, что учреждение восемь лет не сообщало об усилении внешней памяти; Марина Юрьевна утверждала, что сообщения отправлялись на резервный адрес. Матвей попросил назвать его. Врач назвала старый служебный домен. Илья прищелкнул.

– Его закрыли после реорганизации.

– Мне никто не сообщил.

– Значит, почта восемь лет уходила в никуда.

Марина Юрьевна посмотрела на них обоих.

– И теперь вы будете объяснять мне, что система хорошо работает?

Матвей не стал. Варя подошла.

– Кто оплатил маме двадцать лет лечения?

Врач взглянула на Матвея.

– Сначала городская программа. Потом фонд.

– Какой фонд?

– «Контур».

Илья тихо сказал:

– Это наше.

– То есть Бюро знало, что она здесь.

– Финансовый отдел знал номер пациента, – сказал Матвей. – Не обязательно личность.

– Очень удобно у вас всё устроено. Каждый знает ровно столько, чтобы не чувствовать себя виноватым.

Он выдержал удар.

– Да.

Варя ожидала защиты. Получила согласие, и злость снова потеряла удобную форму.

Марина Юрьевна пригласила их в архив.

Он занимал маленькую комнату на первом этаже старого корпуса. Бумажные карты хранились только до 2015 года, остальное оцифровали. Папка Ирины Беловой была толстой.

На первой странице: «Неустановленная женщина, ориентировочно 30–35 лет. Доставлена 6 апреля 2006 года бригадой ведомственной медицины. Документы отсутствуют». Варя считала даты. Маме тогда было тридцать два.

Фото при поступлении показало лицо, которое Варя помнила. Молодое, бледное, с короткими волосами. Взгляд в камеру пустой.

Дальше шли анализы, неврологические тесты, описания приступов. На полях регулярно появлялись подписи врачей и одна фамилия, которую Варя узнала: Северин А.А.

– Ваш отец.

Матвей кивнул.

Запись за 9 апреля:

«Реакция на предъявление фотографии ребёнка: резкий скачок когнитивной активности, затем потеря сознания. По рекомендации А.А. Северина повторное предъявление исключить».

За 14 апреля:

«Пациентка произнесла имя “Варя”, после чего в палате зафиксировано кратковременное несоответствие предметной среды. Зеркало отражало иной интерьер. Контакт прекращён».

Варя прочитала дважды.

– Мама была якорем.

Матвей помолчал, потом объяснил, что после аварии часть активной среды могла закрепиться на человеке. Если Елена вынесла на себе такой след, её возвращение к объекту считалось опасным; отсюда первоначальная изоляция.

Варя поняла логику быстрее, чем хотела. Логика объясняла несколько недель или месяцев. Не двадцать лет.

– Нет. Это уже не объяснение.

Он говорил твёрдо. Варя посмотрела на него и поняла, что Матвей злится тоже. Не на неё и не на прошлое абстрактно. На систему, частью которой сам был.

В следующем разделе лежало письмо Веры Сергеевны.

«Если вы опять решите, что молчание лечит лучше людей, я приду лично и устрою вам аномальное воздействие среды».

Илья засмеялся первым. Даже Марина Юрьевна улыбнулась. Матвей прочитал ещё один лист.

– Здесь есть перевод.

– Куда?

– В 2012-м предлагали перевести в обычный неврологический центр. Отклонила сама пациентка.

Марина Юрьевна кивнула.

– Ирина уже хорошо понимала своё состояние. За пределами территории эпизоды усиливались.

– Кто объяснил ей почему?

– Никто не знал точно.

Варя листала бумаги. В 2018-м Ирина прожила три месяца в квартире при центре. Вернулась после того, как однажды утром проснулась и была уверена, что находится в комнате незнакомого мальчика 1987 года. В 2021-м попробовала снова. Через пять недель начала видеть чужие семейные ссоры в зеркалах. Варя закрыла папку.

– Она не жила. Она всё время ждала, когда станет безопасно.

Марина Юрьевна сказала:

– Она жила. У неё есть друзья здесь. Работала в библиотеке центра. Вела кружок. Ездила с нами на экскурсии. Не превращайте её двадцать лет в пустое место только потому, что вас там не было.

Варя почувствовала, как неприятно точно попали слова.

– Я не хотела.

– Знаю. Но она не только ваша потерянная мать. Она отдельный человек.

Варя кивнула. Это было важное и очень неудобное знание. В архив вошла медсестра.

– Марина Юрьевна, можно вас?

Врач посмотрела на её лицо.

– Что случилось?

– Сергей Петрович заблудился.

– Где?

– У себя в палате.

– Как это?

Медсестра растерянно провела рукой по бейджу.

– Он говорит, что не знает, что такое палата.

Матвей уже доставал прибор. В коридоре пациент лет семидесяти стоял возле двери и плакал. Не громко. Слёзы текли по лицу, а он смотрел на табличку «212».

– Где моя комната? – спрашивал он. – Я знаю, что живу здесь. Но где комната?

Медсестра показывала:

– Вот она, Сергей Петрович.

Он смотрел внутрь.

– Это не комната.

– Почему?

– Не знаю, что это.

Через минуту в соседней палате женщина перестала узнавать собственную сумку. Ещё один пациент позвал медбрата именем умершего сына. Матвей включил прибор. Экран заполнился красными отметками.

– Источник не здесь, – сказал он.

Илья проверял коридор.

– Тогда где?

Матвей посмотрел в сторону окна. Далеко за лесом, за ста семьюдесятью километрами, находилась Чёрная улица. Телефон Вари зазвонил. Тамара Петровна. Варя ответила.

– Да?

– Ты где?

– В Соснах.

– Возвращайся.

Голос соседки был непривычно тихим.

– Что случилось?

– Не знаю. Я вышла мусор выбросить и не нашла свой дом.

Варя сжала телефон.

– В смысле?

– Стою напротив него. Вижу ворота. Вижу номер. Понимаю, что должна туда идти. А внутри ничего. Как будто это чужой дом.

Матвей слышал по её лицу раньше, чем она повторила.

Илья уже открывал карту на планшете.

Тамара Петровна продолжала:

– И свет опять включился. Не только в седьмом.

– Где ещё?

– В девятом. В пятнадцатом. В твоём тоже.

– У меня никого нет.

– Я знаю.

В трубке что-то треснуло.

Соседка сказала:

– Варя, на улице люди стоят. Все перед своими воротами. Никто не заходит.

Связь оборвалась. Илья развернул экран. На карте города появлялись красные точки. Сначала двенадцать. Потом пятнадцать. Двадцать один.

Матвей сказал:

– Контур проснулся.

Варя посмотрела в сторону кабинета, где осталась Ирина.

– Я не уеду без неё.

– Сейчас её опаснее везти к источнику.

– Она сама решит.

Матвей хотел ответить, но замолчал. Возможно, вспомнил, что двадцать лет другие люди уже решали за Елену достаточно.

Они вернулись в кабинет. Ирина стояла у окна. Она слышала шум в коридоре.

– Началось?

Матвей остановился.

– Вы знаете, что именно?

Женщина посмотрела на него.

– Нет. Но я это уже чувствовала.

Она повернулась к Варе.

– Дом зовёт домой.

– Ты хочешь ехать?

Ирина долго молчала.

– Я боюсь.

– Я тоже.

– Это хороший ответ?

– Пока лучший, который у нас есть.

Ирина взяла с кресла куртку. Марина Юрьевна попыталась возразить, но женщина остановила её.

– Я двадцать лет оставалась, потому что не понимала, чего боюсь. Теперь хотя бы знаю, куда еду.

Варя помогла ей застегнуть молнию. Пальцы Ирины дрожали.

На выходе из корпуса она остановилась под соснами и вдохнула холодный воздух.

– Я ненавижу этот запах, – сказала она.

– Сосен?

– Да.

– Значит, что-то у нас уже общее.

Ирина посмотрела на Варю.

– Ты тоже?

– С этой минуты.

Матвей получил звонок, отошёл к машине. Разговаривал коротко, почти не перебивая.

Когда вернулся, лицо стало жёстким.

Звонок оказался от Ворониной. Никого она пока не убила, хотя по голосу Ильи Варя поняла, что он не исключал такой вариант. Бюро ввело городской протокол: на Чёрной улице уже восемь домов с признаками активной передачи, а похожие сбои появились и в других районах.

Причина быстро нашлась в старых объектах Руденко. На его имени Ирина неожиданно замерла. Она не вспомнила человека или событие, только неприятное ощущение, связанное со словами Павла.

– Он говорил, что люди слишком много носят с собой.

Матвей подошёл ближе.

– Что ещё?

Ирина закрыла глаза.

– Что память должна куда-то деваться.

Она открыла глаза.

– И что пустое место никогда не бывает пустым долго.

## Глава 6. Улица без имён

К Чёрной улице они подъехали после пяти. Солнце уже опустилось за крыши, но фонари ещё не включились. На перекрёстке стояли две машины Бюро и обычная полицейская «Лада». Дальше проезд перекрывали пластиковые конусы.

Варя вышла первой. Людей на улице было человек тридцать. Они стояли возле собственных ворот, держали телефоны, документы, пакеты из магазинов. Некоторые переговаривались. Никто не заходил домой.

Это выглядело не как паника. Хуже. Как очередь, в которой все забыли, зачем пришли, но стесняются признаться.

Тамара Петровна сидела на складном стуле возле десятого дома. На коленях у неё лежала табличка из картона: «ТАМАРА ПЕТРОВНА САВЕЛЬЕВА. ДОМ 10. ЖИВУ ЗДЕСЬ С 1989».

– Не смейся, – сказала она Варе вместо приветствия.

– Я и не собиралась.

– И правильно. Я её уже три раза читала.

Варя присела рядом.

– Дом всё ещё чужой?

Тамара Петровна посмотрела на фасад. Окно кухни было открыто. На подоконнике стоял горшок с геранью, которую Варя знала лет двадцать.

– Головой знаю, что мой. Вон занавеску сама шила. Вон трещину возле трубы сантехник прошлой зимой замазывал. А подойти не могу. Ноги говорят, что ошиблась адресом.

– Людей узнаете?

– Пока да. Тебя узнаю. Этого мрачного тоже.

Матвей стоял неподалёку и разговаривал с сотрудником Бюро.

– А женщину? – спросила Варя.

Ирина осталась возле машины. Смотрела на двенадцатый дом. Тамара Петровна прищурилась. Несколько секунд ничего не происходило. Потом её рот приоткрылся.

– Ленка?

Ирина услышала. Не двинулась. Тамара Петровна встала, стул упал назад.

– Лена?

Варя поднялась тоже. Ирина шагнула к ним. Соседка подошла первой и остановилась в метре, будто увидела человека, похожего на умершего, и боялась ошибиться.

– Господи, – сказала она. – Волосы седые.

Ирина неожиданно улыбнулась.

– У вас тоже.

Тамара Петровна заплакала. Это случилось мгновенно. Она закрыла лицо ладонями и заплакала так сердито, словно слёзы были ещё одной проблемой, которую ей навязали без спроса.

– Где ж ты была, дура?

Ирина не знала, как отвечать. Варя уже собиралась вмешаться, но мать протянула руку и неловко коснулась Тамары Петровны за плечо.

– Простите. Я вас не помню.

Соседка вытерла лицо рукавом.

– Ничего. Я сама за двоих помню.

Она сразу начала рассказывать. Как Елена в девяносто девятом перелезла через забор, потому что ключи остались дома. Как зимой они вместе толкали машину Андрея. Как Варя однажды украла у Тамары Петровны зелёные яблоки, хотя у них самих во дворе росла яблоня. Ирина слушала. Некоторые истории вызывали улыбку. Большинство ничего.

Варя стояла рядом и постепенно понимала, что возвращение матери будет состоять именно из этого: чужие люди будут отдавать ей по кусочку жизни и ждать реакции. Иногда получают. Чаще нет.

Матвей подошёл через несколько минут.

– Нам надо внутрь двенадцатого.

– Я могу? – спросила Ирина.

Он посмотрел на неё, потом на Варю.

Раньше, возможно, ответил бы сам. Сейчас сказал:

– Если вы хотите.

Ирина кивнула. Перед воротами дома она остановилась.

Варя приготовилась к тому же, что происходило с соседями. К отторжению, пустоте, невозможности узнать место.

Ирина положила ладонь на калитку. Закрыла глаза.

– Краска была зелёнее.

Варя не сразу поверила.

– Ты помнишь?

– Нет. Просто знаю.

Ирина открыла калитку. На дорожке замерла возле яблони.

– Здесь качели были.

– Были.

– Верёвочные.

– Да.

Она коснулась ствола.

– Вера хотела спилить дерево.

Варя засмеялась.

– Всю жизнь.

– Не спилила?

– Как видишь.

Ирина смотрела на ветки и вдруг сказала:

– Потому что ты плакала.

Варя перестала улыбаться.

– Что?

– В детстве. Она сказала, что яблоня гнилая. Ты услышала и устроила истерику, потому что думала, дерево умрёт. Вера пообещала не трогать, пока оно само не упадёт.

Варя помнила истерику. Не помнила причину.

Ирина смотрела на собственную ладонь на коре.

– Это моё?

– Похоже.

На крыльце стояла женщина в тёмно-синем пальто. Варя видела её впервые. Короткие седые волосы, прямые плечи, лицо человека, который давно перестал тратить время на демонстрацию статуса.

Матвей тихо сказал:

– Воронина.

– Начальница?

– Да.

– Которая должна вас убить?

Илья, проходя мимо с сумкой, ответил:

– Всё ещё надеюсь на условный срок.

Екатерина Воронина не поздоровалась с Матвеем.

Воронина вызвала Матвея в кабинет и без прелюдий спросила, почему о поездке в «Сосны» узнаёт от охраны клиники, а не от собственного сотрудника. Матвей признал, что телефон начальницы действительно существует не только как предмет мебели, но оправдался самым раздражающим образом: охрана клиники просто сработала быстрее внутренней связи. Воронина не улыбнулась. Илья кашлянул. Варя неожиданно поняла, что Матвей способен на хамство. Просто использует его экономно.

Воронина перевела взгляд на Ирину.

И всё лишнее исчезло из её лица.

– Елена Андреевна.

Ирина напряглась. Воронина узнала Ирину, хотя та её не помнила. Начальница не стала приближаться и сразу предложила комнату в безопасной зоне. Ирина отказалась: она приехала не отдыхать, а войти в дом.

Воронина проверила состояние у Матвея. Он назвал его стабильным, но предупредил, что Ирина реагирует на активные следы. Сейчас, заметила Воронина, вся улица фактически стала одним активным следом.

Ирина всё равно не отступила.

– Я уже здесь.

Воронина кивнула.

– Тогда идём.

В доме работали люди в серой форме. Варя насчитала восемь человек. На кухне стояли ноутбуки, кабели, переносные аккумуляторы. Бабушкин стол превратился в штаб.

Она почувствовала раздражение раньше, чем успела подумать, насколько оно рационально.

– Обувь снимайте.

Сотрудник возле двери растерялся.

– Простите?

– Пол я потом отмывать буду. Бахилы у вас есть?

Воронина посмотрела на грязные ботинки команды.

– Есть.

Через минуту все были в синих бахилах.

Илья прошептал Варе:

– Вера Сергеевна вами гордилась бы.

– Надеюсь.

Ирина вошла в прихожую и остановилась возле часов.

Они снова шли. Маятник лежал на тумбе.

Женщина подняла руку к деревянному корпусу, но не коснулась.

– Они всегда отставали.

– На семь минут, – сказала Варя.

Ирина повернулась.

– Почему семь?

– Потому что сломанные.

– Нет.

Матвей услышал.

– Что?

Ирина нахмурилась.

– Семь минут важно. Не для часов.

– Для чего?

– Не знаю.

Воронина сказала сотруднику:

– Запишите.

Варя посмотрела на мать. Вчера подобная фраза означала бы очередную странность. Сегодня каждое случайное слово Ирины могло оказаться куском системы, которую другие люди потеряли или скрыли.

На кухне Воронина развернула карту.

Красными были отмечены четырнадцать домов. Восемь на Чёрной улице. Остальные по городу и области.

– Все связаны с проектом Руденко, – сказала она. – Или были связаны на момент закрытия программы.

Варя посмотрела на Матвея. По архиву объектов было двенадцать. На карте уже горели четырнадцать точек. Две новые не числились ни в одном официальном списке, а значит, кто-то продолжал работу мимо отчётности или позже подчистил документы. Воронина назвала несколько возможных людей: Веру, Андрея Северина, ещё троих сотрудников. Двое умерли, один после тяжёлых процедур почти ничего не помнил.

Но важнее было другое: происходила не обычная активация отдельных записей. Дом на Чёрной улице передавал наружу именно значение связей. Человек мог помнить имя дочери, её возраст и фотографию, но перестать чувствовать, что перед ним дочь. Варя посмотрела на Ирину. Та поняла и сжала пальцы на коленях.

– У меня так двадцать лет.

Воронина ответила:

– Возможно, именно ваш случай был первой стабильной формой этого эффекта.

– И вы ничего не сделали.

– Делали. Неправильно, недостаточно, иногда слишком поздно. Я не собираюсь защищать решения людей, половины которых уже нет в живых.

Варя ожидала бюрократической обороны и снова не получила.

– Почему дом начал сейчас?

Воронина посмотрела на настенные часы и объяснила причину срыва без мистики: смерть Веры Сергеевны. Бабушка была постоянным наблюдателем и основным владельцем дома, а её присутствие десятилетиями удерживало систему в устойчивом состоянии.

Сорок дней тоже оказались не религиозной формулой, а сроком, который любил Павел: примерно столько устойчивый личный след сохранял преимущество после смерти владельца. Если Варя продолжит жить в доме и взаимодействовать с ним, пространство постепенно примет её. Если же дом быстро сменит собственника, достаточной привязки не возникнет, и система начнёт искать старую опору. Павла. Воронина посмотрела на бабушкину тетрадь, не подтверждая этого окончательно. Матвей спросил, что вообще осталось по Руденко кроме официального дела. Архив проекта после аварии почти полностью вычистили.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.